

C-18

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. Д. Саникидзе

На правах рукописи

**ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС
В ИСТОРИИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

(200—60 гг. до н. э.)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Тбилиси — 1965

Направляем Вам для ознакомления автореферат диссертационной работы тов. Саникидзе Л. Д. на тему «Восточный вопрос в истории Римской республики (200—60 гг. до н. э.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Защита диссертации состоится на Ученом совете исторического факультета Тбилисского государственного университета «9/II» 1966 г.

Ваш отзыв на автореферат просим сообщить по адресу: Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1, ТГУ.

Ученый секретарь:

K. Миз

Одним из основных предметов исследования истории древнего Рима является кризис республики, ее падение и приход на смену ей императорской власти. Настоящий труд посвящен именно этой эпохе, но он, разумеется, не претендует на постановку и разрешение всех кардинальных вопросов, касающихся падения Римской республики и возникновения империи. Мы исходим из сферы вопросов, именуемой влиянием внешних факторов на внутреннюю жизнь Рима. Из этой общей сферы мы берем лишь одну сторону и путем ее анализа стараемся внести некоторые коррективы и дополнения в богатую научную традицию изучения проблемы кризиса Римской республики.

В частности, критическую для Римской республики эпоху мы представляем в неразрывной связи с восточными вопросами. Наше внимание привлекло именно то, что вопросы непрерывных взаимоотношений во II—I вв. до н. э. между Римом и Востоком (особенно эллинистическим миром и, в частности, — странами Закавказья) представляют собой единую комплексную историю. Иначе говоря, вместе с всеобъемлющим кризисом Рима во II—I вв. (200—60 гг. до н. э.), называемым нами «панримским кризисом», во всех важнейших моментах, словно неразлучный Спартский близнец, стоит «восточный вопрос». Не говоря уже о перемещении в Рим и восприятии им восточной (особенно эллинистической и эллинистической) культуры (чему были посвящены многочисленные исследования), ведущее место в изменениях в связи с «панримским кризисом» в экономической, социальной, классовой и политической сферах почти всегда неизменно занимает «восточный вопрос».

Таким образом, «панримский кризис» II—I вв. (200—60 гг.) до н. э. мы рассматриваем в комплексном взаимоотношении с восточным миром (эллинистические и закавказские страны).

Из этой общей формы проблемы мы ставим конкретные исследуемые вопросы:

1. Какую роль сыграл «восточный вопрос» в социально-экономической структуре Рима.

Формирование римской рабовладельческой системы как таковой начинается после установления радикальных взаимоотношений с восточным (эллинистическим) миром. Кризис этой системы начинается и развивается также на базе неразрывных отношений между Римом и Востоком.

Исходя из этого, следует рассмотреть все конкретные моменты социально-экономической жизни Рима, в которых одну из решающих ролей играл «восточный вопрос».

2. Какую роль сыграл «восточный вопрос» во внутренней политической структуре Рима.

Кризис Римской республики начинается и развивается вместе с установлением и развитием радикальных взаимоотношений между Римом и Востоком (эллинистическим). Замена римской «республики» императорской, монархической властью произошла также на базе неразрывных взаимоотношений между Римом и Востоком.

Исходя из этого, следует рассмотреть все конкретные моменты политико-государственно-конституционных изменений в Риме, в которых одну из решающих ролей играл «восточный вопрос».

3. С особой тщательностью изучить сугубо грабительскую природу римских «империалистов», что осталось совершенно «незамеченным» буржуазной историографией, проповедующей «романоцентризм» и «романское культуртрегерство». С этой целью следует использовать те пассажи источников, которые дают материалы о проводимых римлянами в странах Востока грабеже, пленении и разрухе; подытожить (насколько источники дают возможность этого) количество добычи и пленных, вывезенное с Востока, и определить его место во внутренней жизни Рима.

4. С этой же точки зрения рассмотреть систему провинциального управления (вернее, ее начало) на Востоке; уделить особое внимание источникам, подчеркивающим большое значение провинций Востока в эконо-

мической, социальной и политической жизни Рима (напр., Цицерон и др.).

5. Все эти вопросы располагаются на фоне военно-политических и дипломатических отношений между Римом и Востоком. Поэтому, несмотря на то, что этот фон в настоящем труде, с исследовательской точки зрения, не может претендовать на оригинальность (ведь об этом и без того немало написано как в советской, так и в зарубежной науке), все же мы, в силу необходимости верного и полного освещения основных исследуемых вопросов, попытались представить также историю военно-политических взаимоотношений Рима и Востока, надеясь, что наша попытка все же может пролить некоторый свет на имеющиеся и в этом вопросе пробелы.

* * *

Хронологическими рамками исследования являются в настоящем труде 200—60 гг. до н. э.

200 год избран потому, что именно с этого времени, с наступлением II столетия до н. э., начинается история радикальных римско-восточных взаимоотношений и вытекающих из них интересных для нас вопросов.

60-й год избран потому, что именно с наступлением 60-х годов I столетия до н. э. завершается наиболее крупный и решающий этап «панримского» кризиса, а именно: заканчивается фактическое отмирание республики и утверждение империи.

В связи с последним положением считаем нужным сказать несколько слов.

Мы считаем, что 60 год до н. э., год создания первого триумvirата, должен в то же время считаться начальной датой империи. И это потому, что с 60 года Римским государством постоянно и непрерывно управляют политики, облеченные единоличным высшим *imperium*-ом. После 60-го мы не можем назвать ни одного года, когда управление государством перешло бы от императоров-монархов к республиканским институтам. Если нам возразят, что все-таки осталась республиканская форма и поэтому 60 год неприемлем в качестве начальной даты империи, то в таком случае то же самое можно сказать и о 27 году до н. э., считающемся годом начала империи. Правда, в том году Октавиану Августу

ту была официально вручена высшая власть, однако формально республика все же оставалась! Как известно, формальная республиканская оболочка осталась до III в. н. э. Более того «республика» как формальная *res publica*, как название только «для красного словца» (*εις εὐπρέπειαν τοῦ ῥήματος*—*App. BeI. civ. I, 99*) употреблялась еще со времен Суллы (если не Сципионов). Однако мы не начинаем истории империи от единоличной диктатуры Суллы только потому, что после того все же произошла реставрация республики. От времени Суллы до первого триумvirата, т. е. на протяжении двух десятков лет (80—60 гг.), республика еще могла говорить: «Существую и правлю», но когда «трехглавый дракон» поднялся, чтобы поглотить сенат и олигархическую республику вообще, — с той поры она могла только говорить: «Существую, но не правлю». И она оставалась безжизненным трупом с 60-х годов I столетия до н. э. по 284 год н. э. Так что на протяжении 350 лет, т. е. начиная диктаторско-императорской «симфонией» Помпея-Цезаря-Красса и кончая царствованием Диоклетиана, оплакивающие республику эпигоны могли лишь сетовать: «Мы обманываем себя внешним блеском» (*Descipimus specie recti*).

Даже оставляя в стороне трехполовиновековое привидение республики, мы с 60-го по 27 год до н. э. (по сей день признанной начальной датой империи) не встречаем ни одного года возрождения республики, т. е. и в этом отрезке времени политический строй Рима представлял собой укоренившийся имперский режим, но не республику.

Таким образом, более оправдано начинать историю Римской империи не 27-м, а 60 годом до н. э.

Из настоящего труда явствует, что высший империум Помпея, генезис которого целиком связан с восточными вопросами, был последним пунктом фактического формирования империи. В то же время восточные походы Помпея — особенно в Понт и Закавказье — были также последними, завершающим звеном успешного распространения территории Римской империи на восток.

Эти явления, вместе взятые, хронологически опираются на 60 год до н. э.

Ввиду всего этого мы приняли 60 год до н. э., как крупную историческую веху, финальным пунктом исследуемых нами лет.

***

Настоящий труд, кроме вступления (предисловие, обзор источников и литературы, постановка вопроса по-новому) и приложения (библиография), состоит из двух частей.

Первая часть («Рим и Восток в период подготовки панримского кризиса») состоит из шести глав и охватывает 200—140 годы. Рассмотрение данного отрезка показывает подготовку и начало «панримского кризиса» на фоне римско-восточных взаимоотношений.

Вторая часть («Панримский кризис и Восток»), также состоящая из шести глав и охватывающая 140—60 годы, показывает, опять-таки в плане римско-восточных отношений, ход «панримского кризиса» в его основных этапах. Здесь же, как вывод, перед нами предстает фактическое падение республики и утверждение империи.

***

I

На рубеже III—II вв. до н. э., после поражения Карфагена во второй Пунической войне, под политическим и экономическим владычеством Рима оказалась западная половина Средиземноморского бассейна. Тогда же решительно ставится другой крупный, этапного значения вопрос: продолжение римской экспансии в восточном направлении.

Первые страницы взаимоотношений между Римом и Востоком развернулись еще в годы второй Пунической войны. Как и следовало ожидать, это первое продвижение римлян на Восток началось в Балканском направлении — сперва в виде т. наз. «иллирийских войн», а затем — «первой македонской войны». После этого своеобразного военно-политического и дипломатического пролога, с наступлением II столетия до н. э. начались радикальные взаимоотношения Рима с Востоком.

Под «восточным миром» мы подразумеваем эллинистические страны и Закавказье, находившиеся с Римом в более или менее тесных и продолжительных отношениях в интересующие нас 200—60 годы.

В упомянутых хронологических рамках взаимоотношений с Римом особую, первостепенную роль играли эллинистические страны (Греция, Македония, Египет, Сирия, Пергам, Вифиния, Каппадокия, Понт), а в дальнейшем страны Закавказья (Армения, Иберия-Колхида и Албания) образовали своего рода «запорное кольцо» в римско-восточной борьбе 200—60 гг. Закавказские государства на данном отрезке древней истории до-

вершили то, что начали эллинистические государства. Конкретнее говоря, Закавказье сыграло одновременно роль катализатора и сумматора в том процессе крупных социально-экономических и политических изменений, в котором ведущую роль начал играть эллинистический мир.

Общий социально-экономический и политический профиль всех этих государств наряду с Римом представлен в первой главе труда в форме *compendium*-а.

Вторая глава труда представляет начальную пору радикальных взаимоотношений между Римом и эллинистическим миром; основное звено этой поры — т. наз. «вторая македонская война».

В 203 г. Филипп V Македонский и Антиох III Сирийский, воспользовавшись смертью Птолемея IV, начали захватывать постоянно спорную с Египтом территорию. Филипп приступил к захвату Кикладских островов и малоазиатской Ионии, а Антиох — южной Сирии и Кипра.

Против этой очередной агрессии македонцев и сирийцев выступают Родос, Пергам, Афины, Византия и другие греческие города. Сочтя собственные силы недостаточными, они стали искать более сильного союзника. Таковым был признан Рим, только что победоносно завершивший войну с Карфагеном (201).

Правящим кругам Рима предоставлялся повод для постановки государства на путь новой крупной агрессии. В Риме уже имелись предпосылки для устремления на восток: растущие потребности рабовладельческого хозяйства в дешевой рабочей силе — рабах; рост и развитие торговли и денежного хозяйства; жажда захвата восточных богатств и т. п. «На новую войну правящие круги Рима толкала внутренняя обстановка самого италийского государства. Это был неизбежный путь разрешения собственных вопросов социального порядка на путях внешних завоеваний в погоне за добычей, за рабами...»¹

Однако римский народ, изнуренный и надломленный «войной Ганнибала», отрицательно встретил разжигание новой, восточной войны: «*Rogatio de bello Macedonico primis comitiis ab omnibus ferme centuriis antiquata est*» (Liv. XXXI, 6).

Из последующих пассажей сочинений Ливия (XXXI, 6—8) также явствует, какие социальные трения были вызва-

¹ П. Н. Тарков, Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III и II веков до нашей эры. Докторская диссертация, рукопись, М., 1946, 725.

ны в Риме «кризисом Востока». Несмотря на то, что Тит Ливий вообще мало интересуется описанием причин и содержания внутренней социальной борьбы в Римском государстве, в этой части его сочинений все же ясно проглядывает традиционный фон римских общественных противоречий, язвы которых на сей раз обостряются кризисом на Востоке. Об этом свидетельствует выступление народного трибуна Гая Бебия. Он яростно нападает на ядро олигархической аристократии — сенат; обвиняет (*crimipandi*) патрициев за жажду нескончаемых захватнических войн и, как народный представитель, старается отстоять мирные позиции римского народа. Затем, после того, как комиции отказались от войны с Македонией, сенату пришлось вторично созвать народное собрание по тому же, накануне отвергнутому поводу — объявления войны. Еще более необычной и беспрецедентной для римской республиканской конституции была своеобразная политическая хитрость консула: он созывает в обычном порядке необычное народное собрание и на предварительном совещании до его открытия агитирует центурии и призывает их голосовать за ими же вчера отклоненное начало войны; основное в его призыве то, что римляне должны не мешкая приступить «к разорению вражеских городов и полей огнем и мечом» (*hostium urbes agrisque ferro atque igni vastentur*). Демагогия консула дала плоды: «квири-ты» отдали голоса за привычную им стихию — грабежи, разруху, разорение, избиение и угон — «за пределами родины» (*foris patriae*), на родине других...

Тому, что народное собрание удалось склонить к войне, несомненно способствовало специальное постановление римских властей, согласно которому шесть легионов, отправляющихся в поход на Восток, почти полностью комплектовались из италиков (Liv. XXXI, 8).

В 200 году римляне ворвались на Балканы и начали разорять подчиненные македонцам города. Например, они устроили безжалостную резню и грабеж на улицах Халкиды. После ограбления город был предан огню. Почти все население было перебито, остальные обращены в рабство; имуществом и добычей были наполнены корабли (см. Liv. XXXI, 22—23). Затем римляне взяли Антипатрию, где перебили всех совершеннолетних, разграбили имущество, разрушили стены города и, наконец, сожгли его дотла (Liv. XXXI, 27). Римляне награбили

огромное количество добычи в Кораре, Геруниуме, Орессе и Книдесе.

В 199 году римское грабительство вошло в новую фазу. Завоеватели приступили к ограблению островов. Затем они разорили город Аканф, разграбили и опустошили его окрестности. И на этот раз они набрали столько добычи, что корабли чуть не шли ко дну под тяжестью груза (Liv. XXXI, 45). На острове Эвбее римляне отняли у македонцев город-крепость Ореос, который подарили «союзному» царю Пергама, ценнейшую же часть добычи — обращенных в рабство пленников — оставили себе (Liv. XXXI, 46).

В 198 году консулу Публию Виллию Тануллу было поручено завершить затянувшуюся «македонскую войну». Он принял все вооруженные силы, подчинявшиеся до тех пор на Балканах его предшественнику Сульпицию Гальбе. Кроме того, лишь бы Виллий восстановил на востоке военный авторитет Рима, ему было «дозволено вновь набрать столько воинов, сколько заблагорассудится» (*quantum militum videretur, ut scriberet, ipsi permissum*. Liv. XXXII, 1). Выходит, что в связи с восточными делами Виллию были предоставлены какие-то чрезвычайные полномочия.

Однако и «чрезвычайные полномочия» Виллия не помогли добиться успеха на Балканах.

В этом же 198 году одним из римских консулов был избран талантливый и энергичный Тит Квинций Фламинин. Несмотря на то, что ему еще не исполнилось даже двадцати двух лет, необходимых для квестуры, и, таким образом, он не достиг консульского возраста (43 года), все же восточный вопрос поставил на повестку дня необходимость нарушения конституционного ограничения, и он был выдвинут кандидатом в консулы. «Преждевременное» консульство Фламинина нарушало конституцию Римской республики и в другом отношении: консулом мог стать только занимавший пост квестора, эдила или претора, Фламинин же не занимал ни одного из них. Поэтому вопрос о его избрании консулом стал одним из новых поводов социальной борьбы в Риме. Молодой Фламинин по своему происхождению и убеждениям был настоящим аристократом-патрицием и, следовательно, ставленником аристократического, олигархического ядра — сената. Естественно, что римские народные слои косо смотрели на «рано оперившегося» политического противника. Несомненно, результатом такого настроения и было выступление народных трибунов Марка Фульвия и Манья Курия.

«Они считали чудовищным, чтобы молодой человек, еще не посвященный в первые таинства государственного управления, вопреки законам, силою домогался высшей должности» (*εις την μεγίστην ἀρχήν εἰσβιάζεσθαι παρὰ τοὺς νόμους* — Plut. Tit. 2).

Особого внимания заслуживает протест народных трибунов против того, что «благородные люди» (*nobiles homines*) ни во что не ставят конституционный порядок и «перескакивая» (*transcendendo*) хотят стать у кормила власти (Liv. XXXII, 7). В данном случае картина социальной борьбы в Риме ясна. Об этом же свидетельствует и то, что Тит Ливий квалифицирует борьбу за и против избрания Фламинина консулом как «состязание на общественной площади» (*res ex camprestis certamine* — Liv. XXXII, 7). С «общественной площади» дело перешло затем в сенат, из сената — в народное собрание, и в конце концов, после стольких перипетий будущий «герой Востока» отправился в качестве *consul armatus* сражаться против восточного венценосца.

В 198 году Фламинин привел на Балканы первую армию, присоединил к ней армии обоих предшествовавших консулов и под знаменем «освобождения Эллады» двинулся на македонцев. Сразу же по приходе «освободители» начали грабить, разорять и убивать (Liv. XXXII, 12; Plut. Tit. 5). Македонский царь, отступая, в свою очередь безжалостно разрушил и опустошил греческие населенные пункты.

Фламинин взял город Фалорию, который пал жертвой разграбления и огня (*Phaloria incensa ac direpta est*. Liv. XXXII, 15). В то же время римские моряки захватили Эретрею на острове Эвбее и вывезли оттуда все, что им попало в руки. Правда, в эту лихую годину в Эретрее оставалось немного золота, серебра и денег, зато римляне вывезли из нее несметное количество памятников искусства и украшений (Liv. XXXII, 16). После Эретреи был взят г. Карист, где римляне за каждого взятого ими в плен вражеского воина получили по триста золотых монет выкупа (Liv. XXXII, 17).

К следующему, 197 году восточный вопрос стоял в римском сенате и комициях с еще большей остротой. В обычном порядке, согласно римской конституции, к новому году ведение дел с какой-либо большой страной — особенно руководство военными действиями с нею — следовало поручать вновь избранному консулу, а с прошлогоднего магистрата вместе с его

просроченными полномочиями снимались и инсигнии главнокомандующего. Однако восточный вопрос вновь потребовал нарушения «обычной конституции» и проведения нового, «необычного» мероприятия. В частности, сенат и комиции признали, что для решения восточного (в данном случае — македонско-греческого) вопроса не достаточно годичного консулата; для него является насущной необходимостью предоставление одной личности такой магистратуры, полномочия которой выходят за рамки республиканской конституции. Таким образом было принято совершенно беспрецедентное решение: вновь избранным консулам предоставить в управление только Италию, а Фламинину продлить высшую власть до тех пор, «покамест ему не будет назначен сенатом преемник консульства» (*donec successor ex senatus consulto venisset*. Liv. XXXII. 28).

Следовательно, Фламинин, «преждевременное консульство» которого уже являлось нарушением римско-республиканских принципов, теперь вторично стал примером еще более значительного игнорирования тех же принципов. Избранный наряду с двумя другими консулами, он продолжает на консульских правах осуществлять верховное командование и вообще политическое главенство на Востоке.

В 197 году в генеральном сражении под Киноскефалом этот «третий консул» нанес жестокое поражение Филиппу V Македонскому.

Победителям досталась громадная добыча — бесчисленные рабы-пленники и мародерские трофеи (см. Polyb. UVIII, 27; Liv. XXXIII, 10).

По условиям перемирия римляне заставили Филиппа отказаться от Греции, отобрали у него флот, принудили уплатить контрибуцию в размере 1.000 талантов, запретили иметь большую армию и лишили права вести независимую внешнюю политику без разрешения Рима.

Среди условий мирного договора особое значение придавалось вопросу о Греции. На состоявшихся на Коринфском перешейке панэллинских празднествах римский полководец провозгласил «элевтерию» (освобождение) Эллады. Но очень скоро оказалось, что римский вариант «элевтерии» фактически означал «псевдоэлевтерию». Этолийские греки во всеуслышание кричали об этом: «Пустые слова, прикрытые одной мнимой наружностью свободы» (*litteras inanis vana specie libertatis adumbratas esse*. Liv. XXXIII. 31).

Этолийцы были в высшей степени правы. Правда, многие греческие полисы получили свободу, но это было лишь «покамест», ибо какая гарантия свободы могла у них быть, когда в крупнейших стратегических пунктах Греции (напр., в Коринфе, Халкиде, Деметриаде) вместо македонских гарнизонов расположились римские лагеря! Разница была лишь в том, что с греков сняли старые цепи и одели на шею новое, более тяжелое ярмо. Кроме того, часть греческих городов, получившая свободу, должна была вскоре стать «союзно-дружественной» опорой и соучастницей Рима в новой большой восточной («сирийской») войне.

Первый этап восточной политики Рима был успешно завершен. Главным его результатом было укрепление на Балканах и Эгейде. Рим приобрел новую торгово-экономическую арену и источник захвата рабов. Триумфу Фламинина придавала блеск и величие привезенная с Востока огромная добыча. Это был первый явный симптом того, что к римской государственной казне присоединился с Востока новый финансово-экономический резервуар «большого водоизмещения». В Риме в течение трех дней длилась демонстрация привезенной с Востока добычи: 3.714 фунтов золота, 14.514 золотых македонских монет, 114 золотых венцов, 1 золотой щит, 290.000 фунтов серебра, 84.000 серебряных аттических тетрадрахм, бесчисленное количество оружия (серебро и бронза), посуды (золото, серебро и бронза), изящный (мрамор и бронза) и других произведений искусства.

***

За первым разгромом Македонии и «освобождением» Эллады следует новый этап в римско-восточных отношениях. В политической жизни римлян впервые встал вопрос о радикальных отношениях с азиатами. На сей раз они имеют дело с властителем Селевкидской Сирии — Антиохом Третьим, который захватил азиатские провинции Египта (южную Сирию и южную Киликию), ключи Геллеспонта-Пропонтиды как со стороны Азии (Эфес, Смирну, Абидос, Лампсак, Троянскую Александрию), так и со стороны Европы (Херсонес Фракийский, Лисимахию и др.) и подступил с армией и флотом к берегам Большой Фракии.

В 192 году началась т. наз. «сирийская война». Римской дипломатии и на этот раз удалось изолировать противника от остальных эллинистических объединений. По-прежнему раз-

дробленным, раздраемым соперничеством и враждой встретил Восток пришедшего с запада могучего завоевателя.

Первая военная арена развернулась на территории Греции. Консул Глабрион с огнем и мечом прошел по городам и селам Эллады. Характерна речь римского полководца к солдатам: «Не только то будет вашей наградой, что есть сейчас в царском лагере, но вашей добычей станет и то, что заготовлено и чего со дня на день ждут из Эфеса; власти римлян откроется путь на Азию, Сирию и ко всем богатейшим странам к восходу солнца» (Liv. XXXVI, 17). Вот где римляне в высшей степени искренни: они идут захватывать страны богатого Востока, а не освобождать греков; они пойдут до самого «восхода солнца», чтобы овладеть легендарными богатствами Востока.

В сражении под Фермопилами римляне разбили войска Антиоха. Царь бежал в Азию, а победители занялись «освоением» богатого вражеского лагеря.

Консул Глабрион и тогдашний «союзник» Рима, Филипп Македонский, поделили между собой греческие области на разграбление. Римляне начали грабить земли Этолии, а македоняне — Фессалию. Воины Глабриона были так нагружены награбленным, что не могли двигаться. Бывали случаи, когда, пробираясь в горах и теснинах Этолии, отягощенные добычей, они не удерживались на узких тропинках, теряли равновесие и срывались в пропасти (App. Syg. 21; Liv. XXXVI, 30).

В 190 году «восточный вопрос» вновь потребовал нарушения республиканской конституции. Римляне сознавали, что первый поход в Азию должен быть проведен с величайшей ответственностью. Поэтому самым серьезным вопросом, естественно, было: кто должен стать главнокомандующим этой весьма ответственной военной экспедиции. Естественно и то, что каждый, обладающий здравым смыслом, прочил в полководцы против Ганнибала и Антиоха (см. Liv. XXXVII, 1; Just. XXXI, 7) того же победителя Ганнибала — Публия Корнелия Сципиона Африканского. Однако на сей раз не удалось избрать консулом славного героя Замы. Римская конституция категорически воспрещала избирать на высшие должности дважды подряд: между двумя магистратурами должен был пройти по крайней мере десятилетний промежуток, Сципион же был в последний раз консулом в 194 году. Промежутка в четыре года, разумеется, было недостаточно для вторичного избрания. В практике политической истории Рима это конституционное ограничение нарушалось несколько раз, главным образом, в пользу того же Сципи-

она. Однако именно «исключительность» Сципиона и возмущала римских «республиканцев». Во время второй Пунической войны он в течение десяти лет бессменно был высшим магистратом (консулом, проконсулом, главнокомандующим), т. е. десять лет обладал imperium consulari, а это считалось «республиканцами» грубым нарушением республиканской конституции и явной «тиранией». Теперь же когда встал вопрос первого азиатского похода, был допущен своеобразный социально-политический компромисс для соблюдения «чистоты» республиканской конституции и в то же время успешного проведения азиатской экспедиции. Консулом и главнокомандующим восточного похода был поставлен Люций Сципион, а его легатом был назначен его брат, победитель Ганнибала, Публий Сципион Африканский, которого «уже давно влекло совершать подвиги в Азии» (Pölyb. XXI, 5). Таким образом, получилось так, что и республиканская конституция не была затронута, и дело азиатского похода было отдано в надежные руки. «Республиканцы» утешились тем, что была соблюдена неприкосновенность традиционного политического руководства Рима. В действительности же была соблюдена только формальная сторона, а фактически вновь расправила крылья сципионовская «тирания»...

Римляне вступили в Азию; вновь они «пошли разить все царства, дабы нигде на лице земли не повелевал никто, кроме римлян» (Liv. XXXVII, 25).

В сражении под Магнезией Антиох Третий был разбит. По условиям перемирия Антиох навечно отказывался от всех европейских и азиатских владений «по сю сторону Тавра»; он довольствовался властью над одной Сирией; царь должен был уплатить Риму 15.000 талантов контрибуции, передать ему свой флот, боевых слонов и активных врагов Рима. Римские власти щедро наградили пергамского царя Эвмена Второго, который «за союзничество и дружбу с римским народом» получил Херсонес Фракийский, Фригию, Памфилию, Карию и Эфес. Рим признал Армянское государство свободным от селевкидского ига.

До ратификации мирного договора с Антиохом вернулся с Востока Марк Ацилий Глабрион, нанесший в 191 году первое поражение Антиоху и его союзникам в Греции. Глабрион хотел триумфа за одержанную им на Востоке победу. Вместе с ним триумфа требовал Гай Минуций, подавивший восстание лигурийцев в Цизальпийской Галлии. Сенат отказал Минуцию, а Глабриону «с великим единодушием» предоставил право на три-

умфальное шествие. Это вполне понятно по описанию богатой добычи, привезенной Глабрионом с Востока: 45 золотых венцов, 3.000 фунтов серебра, 130.000 серебряных тетрадрахм, многочисленную серебряную посуду и прекрасные произведения искусства.

В Риме было особенно много желающих получить консульство и верховное командование на Востоке, стать во главе этого «выгодного» дела. Многих римских политиков ослепили привезенные оттуда сокровища, толпы пленников, заклеянных рабскими стигмами, блестящие триумфы. Это стремление было тем сильнее, что в том году обоим консулам предстояло стать *consul armatus* для ведения новых восточных походов и в том году лишь страны Востока объявились *provinciae consulares*. Поэтому «выборы консулов проходили в обстановке большого напряжения» (Liv. XXXVII, 47).

В конце концов в консулы прошли Гней Манлий Вульсон и Марк Фульвий Нобилиор. Первый получил в управление Азию, второй — Грецию. Их консульство должно было разрешить два текущих «восточных вопроса»: в Азии — Галатию, а в Греции — Этолию.

Весной 189 года римские легионы под командованием Манлия ворвались в глубь Малой Азии. Вначале римляне пошли походом на Фригию, Памфилию и Писидию. В городе Табасе консул взял 25 талантов и 10.000 медимнов пшеницы. Ограбив несколько крепостей, он отнял у жителей города Кабейра 100 талантов и 10.000 медимнов пшеницы, а у его правителя — золотой венец стоимостью в 15 талантов. За 50 талантов каждый откупались города Термесса и Аспендия. Жертвой безжалостного ограбления стали города Лагон, Кормаза, Лисиция и др. Писидийцы дали завоевателям 50 талантов и 40.000 медимнов пшеницы, но все же не смогли спасти родную землю от разорения. В Фригии римляне так нагроузились награбленным, что не проходили за день и пяти километров (Liv. XXXVIII, 15).

Придя в Галатию, консул отнял у первого же племени 200 талантов. Затем он ограбил знаменитый город Гордий. Римляне сломали стойкое сопротивление галатов и прошли по городам и селам Галатии огнем и мечом. Они захватили несметную добычу и пленников. Добычи было столько, что досталось много и тем, «кто не участвовал в битве» (Liv. XXXVIII, 23). Римский консул «вернулся к Геллеспонту с несметными сокровищами, огромными деньгами и очень большой добычей. Армия взяла с собой громадные трофеи» (App. *Syr.* 42).

В то же время другой консул, Марк Фульвий Нобилиор боролся с Этолийским союзом, не уступавшим гегемонии над Грецией сперва Македонии, а затем — Риму. Римляне начали штурмовать боевой центр этолийцев — Амбракию, которая ценой большой дани еле откупилась от разрушения: «Амбракияне поднесли консулу золотой венец весом 150 фунтов. Все бронзовые и мраморные изваяния и живописные картины... римляне сняли с мест и унесли» (Liv. XXXVIII, 9). Этолия выразила покорность, уплатила 500 талантов контрибуции, вернула итальянских военнопленных и эмигрантов, в качестве гарантии вечного подчинения Риму отправила сенату заложников.

Так завершилась крупная римская военная кампания 90-х годов II века до нашей эры на Востоке. Вокруг Средиземноморского бассейна полностью сомкнулась орбита политического господства Рима; теперь уже всеми было признано, что римляне «окончательно получили господство над всем миром» (Polyb. XXI, 16).

Крушную победу, одержанную в результате первого большого азиатского похода, римляне увенчали пышным триумфом.

На триумфе Сципионов было: «...военных значков — 234; изображенных городов — 134; слоновых клыков — 1.231; золотых венцов — 234; серебро весом 137.420 фунтов; аттических тетрадрахм — 224.000; дистофор — 331.700; золотых монет Филиппа — 140.000; серебряные вазы (все в разнообразных украшениях) весом 1.424 фунта; золотые вазы — 1.024 фунта. Перед колесницей (триумфатора) вели царских полководцев, префектов и других лиц, имеющих право носить порфиру, всего 32. Воинам было роздано по 24 денариев, вдвое центуриону, втрое всаднику; после триумфа они получили жалованье сполна, а хлеба — вдвое. После войны в Азии было также выдано двойное жалованье» (Liv. XXXVIII, 59).

На триумфе Фульвия было: «Золотых венцов — 112 фунтов; серебра — 83.000 фунтов; золота (в слитках) — 243 фунта; аттических тетрадрахм — 118.000; (золотых) монет Филиппа — 12.422; бронзовых изваяний — 285, мраморных — 230; несметное количество оружия, — как оборонительного, так и наступательного, — а также множество другой добычи; затем: катануальты, баллисты, всевозможные осадные машины; вражеские вожди, некоторые этолийцы, некоторые кефаленийцы, а некоторые царские, брошенные Антиохом, — всего 27. В этот день М. Фульвий, еще не войдя в город, в цирке Фламинина,

раздал трибунам, префектам, всадникам и римским и союзным сотникам военные подарки. Из добычи воинам было роздано по 25 денариев, вдвое центуриону и второе всадникам» (Liv. XXIX, 5).

На триумфе Манлия было: «...золотых венцов — 212 фунтов; серебра — весом 220.000 фунтов; золота (в слитках — 2.103 фунтов; аттических тредрахм — 127.000; золотых монет Филиппа — 16.320; множество галатского вооружения и всевозможной добычи было доставлено на повозках. Цистофор везли 250.000. Перед колесницей (триумфатора) везли вражеских вождей, всего 52; воинам было роздано по 42 денария, центуриону — вдвое; кроме того, пехотинцам было выдано двойное жалованье, а всадникам — тройное. Многие всадники из разных частей получили воинскую награду...» (Liv. XXIX, 7).

С помощью привезенных Манлием из Азии финансов римским властям удалось легко вернуть гражданам заем (tributum), проводимый сенатом для осуществления какого-либо крупного мероприятия. Вывезенные с Востока богатства составили Риму постоянный государственный бюджет...

***

К концу «восточно-азиатского» похода во внутривитинской жизни Рима особенно ощутимой стала т. наз. «сципионовская тирания», основа которой была заложена еще со второй Пунической войны. На фоне «тирании» рода Сципионов с особой резкостью выдвинулось «главенство» Публия Корнелия Сципиона Африканского, влияние которого в политической жизни Рима еще более возросло после успешного завершения первого азиатского похода.

Это был своеобразный «сципионовский принципат», который в форме единоличного правления противостоял традиционному «республиканскому» законодательству. Начавшаяся тогда же борьба (между олигархической «республикой» и единоличной «тиранией») была связана с «восточными вопросами».

Политические противники Сципиона, т. наз. «республиканцы» искали причин его монархических тенденций и «распутности» в проникших с Востока идеологических и нравственных явлениях. При этом главнейшей причиной неуважения отдельных деятелей к «республике» считали добытую на Востоке роскошь. Это и было конкретным обвинением, предъявленным Сципионам; присвоение скопленного на Востоке имущест-

ва. В конце концов «республиканцы» предъявили своеобразное «заключительное обвинение» в следующей форме: самая главная вина Сципиона перед республикой заключается в его монархическом, самоуправном отношении ко всем и всему не только в Риме, но и во всем мире; он осмеливается выставлять себя повелителем владычицы мира — Римской республики; на Востоке, в классическом мире монархии и деспотии, он нашел своего двойника-монарха (Атиоха); Восток в наибольшей степени утвердил в Сципионе единоличные диктаторско-монархические стремления; во время восточного похода он более чем когда бы то ни было почувствовал себя «владыкой земли», мизинца которого не стоят законодательства главы республики — сената (см. Liv. XXXVIII, 51).

Первейший предшественник единоличных владык Рима пал жертвой «восточного обвинения». В том же году (183) на Востоке, в Азии закончил свой жизненный путь африканский двойник «сципионовской тирании» — Ганнибал...

***

Следующим этапом восточной политики Рима является т. наз. «третья македонская война» (171—168), когда римляне и македоняне с новыми силами схватились друг с другом за окончательное господство на Балканах.

Македонский царь Персей тщетно пытался составить мощную восточную коалицию для борьбы с пришедшей с Запада могучей захватнической силой; римской дипломатии вновь легко удалось изолировать противника. Рим относился к этой новой «восточной войне» с особой серьезностью, так как задался целью раз и навсегда покончить с родиной Александра Македонского. «Поэтому римляне собрали больше легионов» (Just. XXXIII, I). Это был первый случай когда консулу (Публию Лицинию Крассу) предоставлялось право формировать каждый легион из 6.000 воинов (Liv. XLII, 31). У отправляющегося в поход на Восток Красса была 30.000-ная армия; вспомогательные силы (кавалерию и слонов) прислал Масинисса Нумидийский, присоединиться к римлянам на Востоке «всеми силами» были готовы Эвмен Пергамский и Ариарат Каппадокийский. Был готов и сильный флот; в который, кроме римских кораблей, входили морские силы Пергама, Родоса и Гераклеи Понтийской.

В связи с новой восточной войной, кроме формирования каждого легиона из 6.000 воинов, были приняты и другие чрезвычайные меры. Во-первых, консулу Крассу, наряду с указанными военными силами, было дано право брать в восточный поход «сколько пожелает (*quos vellet*) центурионов и заслуженных воинов возрастом до пятидесяти лет» (*Liv. XLII, 31*). Во-вторых, если до тех пор, согласно конституции, военных трибунов, как и консулов-военачальников, избирало народное собрание, то теперь, в связи с новой восточной войной, специальным постановлением сената это право было снято у народного собрания, и назначение военных трибунов было поручено консулам и преторам.

Многие римляне, мечтая разбогатеть, записывались добровольцами в отправляющееся на Восток войско. Восток и богатство стали в Риме синонимами. Когда консул формировал армию, идущую в Македонию, «многие добровольно вручали ему свои имена, видя богатыми (*locupletes videbant*) тех, кто участвовал в прежней македонской войне или в Азии против Антиоха» (*Liv. XLII, 32*).

После двухлетних бесплодных стычек, в 168 году противники встретились в генеральном сражении под г. Пидной. Римляне под командованием консула Цюция Эмилия Павла наголову разбили македонян. Вместе с богатейшей добычей победители захватили самого царя Персея с семейством.

После пидненской битвы «восточный вопрос» встал совершенно по-новому в социально-экономической и политической жизни Рима. Никогда прежде (ни во время первой и второй македонских войн, ни во время азиатского похода) не поднимался вопрос о превращении стран Востока в провинции. До сих пор римские власти пытались демагогической вуалью «освобождения» и «сохранения независимости» нейтрализовать принесенную римским мечом на Восток трагедию, за которой, не будь таких «кустунок», могли последовать крупные народные движения. Кроме того, была и другая серьезная причина, избавлявшая до сих пор побежденные восточные страны от ига римского провинциального управления. Этой причиной явились социальные столкновения в самом Риме. Всадническое сословие т. е. римская финансовая аристократия, требовала провозглашения побежденных стран провинциями, а сенат и «партия оптиматов» стояли на позиции постановки поверженных противников в положении клиентов.

Как видно, во время пидненского сражения римские политики и социальные группировки, по своим устремлениям и аргументации в отношении Македонии, обладали равными силами. Об этом свидетельствует результат решения судьбы Македонии. Это решение носило компромиссный характер, будучи своеобразной переходной ступенью от патронатно-клиентурных отношений к провинциальному управлению, а именно: Македонию фактически лишили независимости, но не провозгласили провинцией; царство было упразднено, страну разделили на четыре совершенно отдельные и изолированные друг от друга области; между ними была запрещена какая бы то ни было связь — не только военно-политическая и торгово-экономическая, но даже брачная. Римляне разорили, разграбили и разрушили Македонию дотла, разоружили ее и обложили данью.

После разгрома Македонии римские «освободители» вторглись в Грецию. Источники дают обильные материалы о новом разграблении и разрушении Эллады. Всюду вырисовываются контуры типичного римского завоевателя: коварство, безжалостность, грабительство, человеконенавистничество, цинизм. Достаточно пример Эпира, где римляне одних городов разрушили около 70-и, обратили в рабство 150.000 человек и награбили огромное количество имущества, денег, оружия и произведений искусства. Не меньше добра они захватили в Этолии, Беотии, Ахее и т. д. Однако все это не входило в триумф Люция Эмилия Павла, где демонстрировалась другая добыча, привезенная с Востока: 400 золотых венцов, 2.121 талант золота, золотая и украшенная драгоценными камнями обстановка из дворца македонских царей, личное убранство Персея (дорогое оружие, диадема, колесница и др.), обрядная золотая чаша стоимостью в 10 талантов, золотые жертвенные сосуды; 2.250 талантов серебра, разнообразные серебряные кубки, серебряные жертвенные сосуды; огромное количество изваяний, картин, украшений, посуды и т. д., и т. п. Одно только привезенное в виде монет золото и серебро оценивается источниками по меньшей мере в 200.000.000 сестерциев (*Liv. XLV, 40*).

Ко всему этому присовокушилась и другая привезенная с Востока добыча: разгромив и разграбив Иллирию, в Рим возвратился претор Люций Аниций, который, кроме пленного иллирийского царя и его семейства, представил на триумфе: 27 фунтов золота, 19 фунтов серебра, 30.000 денариев, 120.000 иллирийских серебряных монет и т. д.

В ознаменовании новой крупной победы на Востоке римляне допустили еще одно нарушение республиканского законодательства: Луцию Эмилию Павлу, в виде единственного исключения из числа прочих полководцев, было дозволено являться на каждое цирковое состязание в одежде триумфатора (Aug. Vict. De vir. ill. LVI, 4).

В римско-восточных отношениях 70-х годов II века до н. э. «македонское дело» было лишь *punctum saliens*, а наряду с ним Риму предстояло решить и другие «восточные вопросы», в особенности — о Родосе и Пергаме.

До битвы под Пидной Родосская республика оставалась самой сильной экономической и политической единицей во всем греческом мире, являясь связующим звеном трех континентов на экономическом перекрестке, душой ее политического протектората было римское «покровительство». Экономические и политические интересы Родоса требовали полного мира на водном пути, соединяющем Азию с Европой. Поэтому во вспыхнувшей между Римом и Македонией войне он пытался играть роль посредника и примирителя. Это «посредничество» вызвало в Риме дебаты о наказании Родоса. В первую очередь нужно отметить, что в связи с «родосским кризисом» в истории Римской республики произошло весьма интересное, совершенно беспрецедентное событие.

Вспомним сначала событие времен движения Гракхов — один из революционных пунктов в реформатской деятельности Тиберия Гракха. Когда второй трибун (Октавий) наложил veto на законопроект Тиберия, тот обратился к народному собранию со следующими словами: «Может ли остаться в своей должности трибун, если он действует против народа?» (App. Bel. civ. I, 12). Таким образом, не спрашивая сенат, путем практического повышения суверенитета народа и с его помощью, Гракх первым сделал революционный шаг в истории Римской республики. Так считается доныне. Однако из рассматриваемого нами случая явствует, что в этом отношении «революционность» Гракха имела прецедент. Таковым был «казус» претора Марка Ювенция Тальны, который, «не спрашивая сенат, не известив консулов, только по собственным соображениям, поставил перед народом предложение: не разрешит ли и не прикажет ли оно (народное собрание) объявить войну родосцам? Прежде же всегда сенат обсуждал сначала вопрос войны, затем, по утверждению сенатом, вопрос переходил к народу (на обсуждение)» (Liv. XLV, 21). Следовательно, «революционная»

попытка изменения старых олигархо-республиканских принципов отодвигается на 35 лет в глубь истории. Ювенций Тальна первым поставил вопрос, который через 35 лет стал революционным пунктом в деятельности Тиберия Гракха. Мы же придаем особое значение тому, что причиной этого весьма интересного явления был «восточный (родосский) вопрос».

«Предшественник» Гракха потерпел поражение. Причиной этого было то, что свое «революционное» новшество Ювенций обратил против интересов народа: он хотел вовлечь римлян в новую войну. Поэтому сенату не потребовалось и пальцем пошевелить против него: его свели с трибуны сами народные трибуны...

Сенат «помиловал» Родос — не объявил ему войны, и восхищенные родосские послы преподнесли сенату «венец стоимостью в 20.000 золотых» (Liv. XLV, 25). Однако Рим отказал Родосу в «союзнничестве» и окончательно отнял у него все владения: Ликию, Карию, Кавнию, Стратоникею и др. Главным же было то, что римляне объявили остров Делос *porto franco* — свободным торговым центром, не облагаемым налогами и таможенными пошлинами. Это вызвало перемещение всей торговли восточной части Средиземного моря с Родоса на Делос, что фактически означало прекращение существования первого.

В дни пидненской битвы римляне поставили по-новому и «азиатские вопросы», в особенности — пергамский.

Для римской дипломатии было аксиомой: тот, кто больше не нужен, превращается из «союзника и друга» Рима в его врага и изменника. Этот пункт римской внешней политики ярко отразился на примере Пергама. При первом же вступлении в Азию римляне превратили Пергамское царство в самую мощную политическую единицу, назначением которой было — парализовать любое антиримское движение на Востоке. Но положение, для которого была необходима сила («умеренная» сила) Пергамского царства, совершенно изменилось после пидненской битвы: благодаря разгрому Македонии основной участок надзора уже совершенно не нуждался в пергамском «надсмотрщике и шпионе». Следовательно, сила Пергама больше не была нужна Риму, наоборот, — теперь стало даже необходимо ослабить Пергам. Поэтому римляне «сочли Эвмена Пергамского изменником и почти врагом» (Liv. XLIV, 24). Все претензии, возникшие у него в ходе последней македонской войны, были

отвергнуты римскими властями; его заставили отказаться от всех владений, переданных Пергаму за помощь в «сирийской войне»...

* * *

Через двадцать лет после сражения под Пидной вновь пришлось отправиться походом на Восток: в Македонии вспыхнуло восстание, известное в истории как движение Андриска (149—148 гг.).

Преодолев первые неудачи, римляне подавили восстание и провозгласили Македонию «провинцией». Так появилась первая восточная провинция Римской империи. До тех пор римский «либерализм» проявлялся главным образом по отношению к восточным странам. Вся кровавая 150-летняя история римско-восточных отношений была политическим заигрыванием волка с овцой. История эта состояла в приведении Востока к покорности под дипломатическими формулами отношений между «союзником и другом», «патроном и клиентом», «покровителем и протекже». Первую тенденцию к изменению этой политики Рим проявил на другой день после пидненского сражения; теперь же, через два десятилетия после него, Рим показал всему миру, что отныне он окончательно отказывается от «либерального» отношения к покоренным странам. Отныне каждая завоеванная страна является для Рима не чем иным, как завоеванной страной, название которой «*provincia*», а содержание — всестороннее порабощение: политическое, экономическое, социальное, духовное.

Наиболее категоричная, лаконичная и всеобъемлюще выразительная «империалистическая» формула активной внешней политики Рима — «*esse delendam*» — была впервые осуществлена не в Африке, а на Востоке. Первой ее жертвой пало крупное восточное государство — Македония. До сих пор жертвами провинциальных завоеваний становились мелкие или постоянно лишенные политического и экономического единства страны (Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания); теперь же Македония стала первым примером того, что римляне превратили в провинцию неизменно сильное государство, с большим политическим и моральным весом во всем мире. Это означало, что отныне римляне явно не желают, чтобы кроме Рима «еще где-либо существовала государственная власть» (Cic. *De lege agr. lib. II, XXXII, 87*). Это подтвердил происшедший в те же годы окончательный разгром и провозглашение «провинциями» еще двух

государств: одного опять-таки на Востоке (Греция), другого — в Африке (Карфаген)...

Рим еще не кончил расправу с Македонией, когда началось народно-освободительное движение в Греции. В 146 году, в решающем сражении, развернувшемся на коринфском перешейке, римляне разбили восставших греков. Был разработан новый статус Греции: Ахейский, Беотийский, Эвбейский, Фокейский и Локридский союзы были упразднены и вместе с восставшими городами, обложенными тяжелой данью, присоединены к Македонской провинции. Затем римляне принялись снова грабить, разорять и разрушать Грецию, угонять в плен ее население. Фивы, Халкида и Коринф были превращены в развалины. Особенно пострадал последний: сначала завоеватели обобрали его до нитки, а затем не оставили камня на камне; население было поголовно угнано в рабство. В заключение римляне наложили проклятие на землю Коринфа и на каждого, кто разожжет на ней очаг — точно так же, как и на земле разрушенного в том году Карфагена.

Как известно, тот факт, что Коринф был стерт с лица земли, обуславливался не только стратегическими соображениями, но и экономическими причинами: доминирующую роль у Коринфа власти захватывает торговая партия, согласно требованиям которой решается вопрос ликвидации торгового соперничества Родоса и Коринфа с Римом в Средиземноморском бассейне.¹ Раз так, то мы должны считать непреложным фактом и то, что новый, решительный курс внешней политики Рима на Востоке, выразившейся в начале установления провинциальной системы, явился прямым результатом того, что «посчитались» с экономическими интересами римской финансовой аристократии.

Эти вопросы вообще связаны со значительными явлениями, коренным образом потрясшими римское общество и изменившими его лицо. Это — крупный римский кризис, кризис всесторонний: экономический, социальный, политический и моральный; это — «панримский кризис», нашедший свое отражение в наиболее многообразном и глубоко интересном отрезке истории Рима — в «гражданских войнах».

Уже рассмотренный нами фрагмент римской истории (200—140 гг.) является эпохой, предшествовавшей

¹ См. Т. Моммзен, История Рима, т. II, М., 1937, стр. 51; С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 290.

на панримскому кризису, гражданским войнам. Эти явления непосредственно примыкают друг к другу. История отношений Рима с эллинистическим Востоком представляет собой своеобразный пролог к панримскому кризису, и не только пролог, но в то же время и один из главных источников совокупности этих крупных событий в Риме. Покорение восточных стран ускорило начало кризиса Римского рабовладельческого государства; тот факт, что римляне набросили свое ярмо на страны Востока, захватив их неисчислимые богатства, контингенты экономических, материальных, духовных ценностей и рабов, форсировал начало гражданских войн. Следовательно, «восточный вопрос» сыграл роль своеобразного катализатора в генезисе и развитии «панримского кризиса».

II

В результате весьма активной и результативной военной агрессии Рима на Аппенинский полуостров были согнаны массы изнуренных, обращенных в рабство людей из всех стран Средиземноморского бассейна. Из прямых указаний источников известно, что в эпоху Пунических войн (264—146 гг.), т. е. на протяжении 120 лет, римляне вывезли из Африки, Сардинии и Тарента 180.000 рабов; во время же восточных походов, за каких-нибудь 50 лет они захватили около полутора миллионов рабов.

Римско-итальянское хозяйство заполнилось контингентами пригнанных с Востока рабов. Эта та пора в римской истории, когда хозяйство Италии имеет возможность внедрить дешевый рабский труд во все свои отрасли. А это означает, что римское рабовладение, до сих пор сравнительно примитивное и патриархальное, быстрыми темпами входит в высокую фазу своего развития, в систему классического рабовладения. Ведущую роль в этом играют прибыльные восточные походы.

Затем: скопление рабов и абсолютное преобладание рабского труда в хозяйственной жизни вызвали рост крупного землевладения, латифундий и разорение мелкого землевладения. Социальным результатом этого экономического явления было обогащение кучки нобилей и пауперизация всего остального населения. Даровой рабский труд изгнал из хозяйственной жизни свободного земледельца.

Разумеется, история крупного латифундиального хозяйства

началась еще до восточной политики Рима, однако максимальный рост латифундий, максимальное падение хозяйственных и общественных условий большинства населения Италии в первую очередь все же связаны с грандиозным увеличением численности рабов; последнее, со своей стороны, связано с весьма активной и результативной восточной политикой Рима: полувеконные восточные походы стабильно обеспечили римское латифундиальное хозяйство контингентами рабов, сменившими свободного земледельца.

Затем: захватив восточную часть Средиземноморского бассейна, Рим стал не только политическим повелителем тогдашнего передового мира, но и его экономическим владыкой. Ведь само по себе военно-политическое владычество целиком служило установлению господства над мировыми экономическими отношениями, — и Рим осуществил эту цель. Под нею в основном подразумевались экономическая эксплуатация покоренных стран и торгово-финансовые отношения между тремя крупными континентами. И одно и другое было уже в руках Рима.

Первая половина II столетия до нашей эры, почти полностью охватывающая римско-восточные отношения, характеризуется скоплением в Риме, «центре мира», неисчислимых чужих богатств, подавляющая часть которых была завезена с Востока. Пуск этих богатств в экономический оборот Рима дал мощный толчок и широкий размах развитию денежно-рабовладельческого и торгового капитала. А это, в свою очередь, потребовало изменения социальной и политической структуры Рима.

До тех пор римская республиканская система, система полисов (городов-государств) удовлетворяла требования руководства узкой городской общины; но теперь, когда под властью этого одного города образовалось огромное мировое государство, — для экономического и политического управления им стало необходимым изменить, преобразовать государственно-управленческие институты или же основать новые. Первым долгом, для извлечения и исчерпывания из покоренных стран всех экономических благ, было необходимо учредить какой-то новый государственный институт. С этой целью была введена т. наз. откупная система.

Сила и значение откупной системы возросли после того, как Рим начал превращать захваченные за пределами Италии страны в провинции. Первейшим назначением провинциального управления было максимальное выкачивание всяческих матери-

альных благ из покоренных стран. Поэтому откупная система и провинциальное управление стали одним цельным социально-экономическим и политическим телом.

Такая форма провинциального управления и эксплуатации заложила основу для необычайного обогащения и усиления новой могучей социальной категории — всаднического сословия. Это — обогащение экономическое и усиление политическое. Таким образом, в римском правящем нобилитете в лице всаднического сословия появилась мощная социальная сила, экономика которой опиралась на финансовое хозяйство всего государства.

Политическая претенциозность всаднического сословия, выросшая на почве сильно развитого денежного хозяйства, также связана с первой половиной II века до нашей эры, когда кардинальным явлением римской истории было проведение восточной политики.

Таким образом, во всех основных элементах подготовки «панримского кризиса» и гражданских войн всегда играет ведущую роль «восточный вопрос». Он является одним из основных источников экономических, социальных и политических изменений в Римском государстве, которые очень скоро нашли свое отражение в «гражданских войнах».

Таковы общий обзор и заключение. Теперь проследим, какую роль сыграл «восточный вопрос» в отдельных конкретных моментах гражданских войн.

***

История гражданских войн в Римском государстве открывается формой классовой борьбы. Это была борьба не на жизнь, а на смерть между рабами и рабовладельцами.

Первая крупная классовая схватка развернулась на острове Сицилия. Первое восстание сицилийских рабов (138—131 гг.) — это почти исключительно выступление рабов, пригнанных с Востока. На основании коренного изучения движения сицилийских рабов мы заключаем следующее:

первое восстание сицилийских рабов, длившееся более восьми лет, есть этап борьбы народов Востока против римского рабовладения;

пригнанное с Востока и обращенное в рабство свободное население являлось в римской рабовладельческой системе весьма активным элементом;

контингенты рабов с Востока ускорили создание римской рабовладельческой системы и одновременно сами же первыми подняли знамя борьбы за ее разрушение;

пригнанные с Востока высококультурные, свободолюбивые народы, обращенные римлянами в рабство, в отчаянной борьбе вернули себе свободу и создали собственную независимую государственную организацию. Провозглашенное ими «Новосирийское царство» более восьми лет сохраняло государственную независимость в самой римской мировой государственной системе...

Вторым крупным этапом классовой борьбы явилось восстание в Малой Азии (в Пеграме) — знаменитое восстание «гелиополитов» под предводительством Аристоника (133—129 гг.). Оно одновременно носило характер классовой, внутриклассовой и национально-освободительной борьбы.

И это выступление народов Востока римляне подавили с подлинно рабовладельческой жестокостью, а бывшее Пергамское царство провозгласили «провинцией» (provincia Asia). Таким образом, в систему римского мирового государства попала первая азиатская провинция, которой с этих пор предстояло играть большую роль в политической и экономической жизни Рима: в политической — как основному плацдарму для дальнейшего расширения экспансии на азиатском континенте, в экономической — как основной артерии материального и финансового кровообращения Рима.

Третий важный этап классовой борьбы внутри Римского государства — второе восстание сицилийских рабов (104—99), также составляющее историю борьбы народов Востока. И это восстание поработанных народов Востока доказало, что они были весьма активным элементом в римской рабовладельческой системе.

Участники второго сицилийского восстания — достойные продолжатели блестящих традиций классовой борьбы, основы которых были заложены героями первого сицилийского восстания и славно продолжены «гелиополитами».

Пригнанные с Востока высококультурные, свободолюбивые народы и на этот раз в отчаянной борьбе вернули себе отнятую римлянами свободу и вновь создали независимое государство, которое почти пять лет сохраняло независимость в римской мировой государственной системе...

Короче говоря, движущие силы четырех из пяти крупных взрывов движения рабов (первого сицилийского, геллополитов, второго сицилийского и Савмака) были в основном чисто «восточного» происхождения. Так же и в пятом — в восстании Спартака — одну из ведущих ролей играли привезенные с Востока рабы (в пользу этого многозначительно свидетельствует «восточное» (фракийское) происхождение самого Спартака, огромный авторитет этого «восточного» вождя среди рабов, не говоря уже о том, что наиболее популярный после Спартака вождь Эмонай происходил тоже с Востока (из Греции).

Таким образом, в наиболее важном вопросе гражданских войн — истории классовой борьбы, вспыхнувшей в недрах рабовладельческой республики — ведущую роль играли народы Востока. Порабощенные римлянами, они являлись самой активной силой на таком видном участке «панримского кризиса», как восстания рабов. Острота же классовой борьбы, как наиболее опасный участок «гражданских войн», толкала Рим к изменению политической системы. С помощью т. наз. «республиканской» конституции становилось невозможным сдерживать самую революционную силу гражданских войн — восстания рабов. время требовало сосредоточения, консолидации более централизованного, всеобъемлющего империума (*imperium summum*). Если Рим хотел остаться владыкой мира и при этом сохранить рабовладельческую систему, он должен был отказаться от полисной конституции и заменить ее новой, централизованной, императорской властью.

Поскольку Рим был поставлен перед такой необходимостью, в первую очередь, движениями рабов, то исполнителями главной роли в возникновении этой необходимости были, исходя из вышесказанного, народы Востока.

***

В тесной взаимосвязи с кризисными элементами римской системы стоят вопросы рабства и свободного крестьянства, или рабского труда и крестьянского земледелия, и вытекающие из этих вопросов рабско-революционные и крестьянско-реформаторские движения. Первые мы уже рассмотрели; обратимся ко вторым.

Как уже было сказано, абсолютное утверждение рабского

труда изгнало из хозяйственной жизни свободного земледельца. Отсюда возник весьма злободневный вопрос: каким образом должен Рим помочь крестьянину? Как вернуть его к хозяйственной жизни? Как возродить в нем грозного легионера, без которого невозможно сохранить завоеванные страны, вести новые агрессии, поставлять новые резервы рабов и обезвреживать их революционный дух?

С большим реформаторским планом выступил прославленный народный трибун Тиберий Гракх. Его законопроект предусматривал восстановление мелкого и среднего земледельческого хозяйства за счет сокращения крупных латифундий (максимум — 1000 югеров, минимум — 30 югеров).

В основе выступления Гракха, наряду с большими экономическими и социальными целями, лежали крупные политические устремления, характеризовавшиеся дотоле невиданным новаторством и совершенно чуждым для консервативной римской действительности, неслыханными примерами (*novum experimentum*):

когда сенат отказал на *rogatio* трибуна, Тиберий, в обход обсуждения и одобрения сената, вынес законопроект на народное собрание;

когда сенаторы противопоставили этому «самоуправству» Гракха второго трибуна Октавия, который наложил *veto* на законопроект Тиберия, — последний поставил в народном собрании вопрос о смещении Октавия с должности трибуна. «Казус Ювенция», случившийся 35 лет тому назад, был уже забыт в Риме; поэтому совместные действия Гракха с народным собранием, без разрешения сената, были сочтены беспримерным злодеянием. Но Гракх добился своего: не считаясь с сенатом, при абсолютной поддержке народного собрания, он сместил с должности народного трибуна Октавия. И законопроект вошел в силу;

когда сенат отказал в финансах, необходимых земледельческой комиссии, Гракх, для практического воплощения реформы, обратился к средствам, поступившим как раз *pro tempore* с Востока, перейдя в руки Рима «по завещанию» пергамского царя Аттала III. И вот Тиберий, опять-таки без *auctoritas* сената, проведенным через народное собрание специальным законом провозгласил все наследство пергамских царей народным достоянием; пергамская казна должна была быть в первую очередь употреблена на оборудование земельного хозяйства начинающих агриколов;

когда сенат обратился к новым, более опасным провокациям против трибуна-«тирана», тот, опять-таки не спросив сената, провел через народное собрание: закон о сокращении срока воинской службы, закон о кассации решений суда в народное собрание, закон об избрании в суд всадников наравне с сенаторами, и др.

«Одним словом, Тиберий всяческими способами старался умалить мощь сената» (Plut. Tib. Gr. 16).

Наконец, Тиберий решил в следующем (132) году пройти в трибуны. Но на сей раз его политические противники явились «на поле боя» гораздо более организованными, и Тиберий Гракх погиб.

Как мы видим, деятельность Тиберия Гракха — совершенно новое, новаторско-революционное явление в сфере как социально-экономической, так и политической жизни.

Выше мы убедились в том, что деятельность Гракха произросла на почве превращения рабского хозяйства в классическую систему — одновременно с разорениями свободного земледельца, падением военной мощи и, наконец, радикальной активизацией рабов.

Ведущую роль во всем комплексе этих важнейших явлений сыграло покорение стран Востока, приток их богатств в Рим и, что главное, доставка бесчисленных рабских континентов, за которой последовало пресловутое превращение рабского хозяйства в классическую систему и связанный с этим превращением социальный и классовый кризис.

Теперь посмотрим, какую роль играл Восток на социально-политическом участке гракховского движения.

Во-первых, мы уже видели, что вопрос азиатской страны — Пергама стал одной из основ весьма активной формы борьбы Тиберия Гракха против сената. Политическую борьбу между сенатом и Тиберием обострил именно этот вопрос, и в гораздо большей степени, нежели смещение Октавия с должности трибуна. Тот же «восточно-азиатский» вопрос стал причиной и предлогом ожесточенной борьбы сенаторов против Гракха. Основной мыслью их провокационного выступления было то, что Тиберий собирается установить тиранию «восточного типа», что якобы «восточники» видят в нем царя, обычного на Востоке, и т. п. Однако это только одна сторона «восточных вопросов» в движении Тиберия Гракха.

Главное — то, что Тиберий Гракх был первым, который

разом двинул демократию войной на олигархическую тиранию сената. Разумеется, это «внезапное» начало вовсе не означало рождения Афины из головы Зевса. Его основой были длительные, перманентно растущие количественные изменения в социально-экономической жизни государства. Однако в условиях беспрецедентности такое атакующее выступление демократических сил под руководством Тиберия все же имело оттенок неожиданности, и, следовательно, возникает вопрос: откуда взялось у Тиберия Гракха такое разнообразное оружие демократической борьбы в то время, как римская традиция была в данном смысле совершенно пуста?

Все ученые, интересовавшиеся идеологическими источниками гракховского движения, единогласно придерживаются того мнения, что эти источники — «восточного», греческого содержания.¹

И действительно, формы борьбы Гракхов почти детально напоминают картины традиционной демократической борьбы в Греции, в особенности афинского демоса против олигархической власти евпатридов. Никакого сомнения не вызывает тот факт, что Гракхи и вообще знаменитый «сципионовский кружок» были хорошо знакомы со всеми сторонами греческой общественной жизни, с ее прошлыми и настоящими традициями. Они, несомненно, хорошо знали историю многообразной борьбы греческой демократии, включая деятельность Солона, Клисфена, Эфиальта, Перикла и других демократов-политиков. Не подлежит сомнению и то, что братья Гракхи были хорошо знакомы с деятельностью лакедемонского реформатора Набиса. Во время похода 197 года Набис сказал Титу Фламинину: «Вы, римляне, хотите, чтобы власть везде принадлежала малочисленной группе, — по-вашему — сенату, — а народ, покорный олигархии, был бы лишен каких бы то ни было политических и социальных прав; я же освобождаю рабов и, вместе с бедным населением, раздаю им земли; этим я восстанавливаю и земледелие, и государственную военную мощь». Поэтому можно смело сказать, что Набис является предшественником Гракхов. Римские трибуны делали в Риме то же, что «восточ-

¹ См. Р. Виппер, Очерки истории Римской империи, М., 1908, стр. 47; С. И. Протасова, Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов. «Из далекого и прошлого», 1923; С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, стр. 37.

пый тиран» в Спарте. Единственное, в чем Гракхи не следовали за Набисом, это вопрос освобождения рабов.

В подготовке и проведении упомянутой борьбы у Тиберия Гракха были «восточные» учителя и соратники. Это были греки — философ Блосий и ритор Диофан. В свою очередь Блосий был учеником прославленного азиатского (из киликийского Тарса) философа — Антипатра.

Таким образом, как только в Риме была подготовлена «практическая программа» демократического движения, инициаторами ее теоретической подготовки стали «восточные идеологи»...

Демократическое движение в Риме входит в новую фазу в бытность трибуном младшего брата Тиберия — Гая Гракха (123—122 гг.). Социальная опора Гая была гораздо многочисленнее и сильнее, нежели Тиберия. Он сплотил вокруг себя все слои «партии» популяров, в том числе богатое и влиятельное всадническое сословие.

Гай восстановил и расширил действие аграрной реформы Тиберия; специальным законом он расправился со всеми, кто был повинен в убийстве Тиберия и его сторонников, в срыве его реформы; отдельно провел закон о раздаче дешевого хлеба бедному населению; на втором году своего трибуната (sic!) провел целый ряд законов: о праве граждан на апелляцию перед народными комициями, о праве рядовых воинов на апелляцию против самоуправства военачальников, об установлении для воинской службы 17-летнего возраста, о запрещении вычета стоимости вооружения из жалованья воина, о проведении дорог, об основании колоний, о предоставлении италикам права римского гражданства и т. д.

Нет необходимости подчеркивать, что сенат употреблял все усилия к уничтожению трибуна, фактически уже ставшего полноправным диктатором.¹ И под предводительством Оппимия, который был первым человеком, получившим диктаторские права в должности консула (Plut. G. Gr. 18), олигархия уничтожила Гая Гракха.

Деятельность Гая Гракха была гораздо авторитарней и независимее от сената, чем деятельность его старшего брата. Если действия последнего поспли в отдельных случаях даже

¹ А. Г. Бокшанин, Попытка аграрных реформ и социальная борьба в Римской республике в конце II в. до н. э. «Преподавание истории в школе», 1954, № 4, стр. 44.

стихийный характер, то Гай от начала до конца совершенно сознательно пренебрегал политическими функциями высшего института, на который опирались нобили. Единственным признаваемым им верховным органом была *comitia tributa*. По своему радикальному характеру выступление Гая стояло еще ближе к эллинскому демократическому революционизму. Своей многосторонностью и расширением прав народного собрания (насколько это было возможно в условиях рабовладения) Гай Гракх напоминает именно Перикла. Тиберий, подобно Эфиальту, нанес первый удар правящему ядру аристократии, а Гай, подобно Периклу, еще более углубил и расширил проложенную предшественником колею демократического движения. В действительности Гая гораздо резче и шире, чем у Тиберия, провидилось сочетание греческого теоретического учения с римской практической жизнью.

Особое внимание следует уделить крупным мероприятиям, проведенным Гаем Гракхом и носившим конкретный «восточный» характер: закону о судьях (*lex Sempronia iudicialia*) и закону о провинции Азии (*lex de provincia Asia*). Оба эти закона были неразрывно связаны друг с другом и преследовали общую цель. Стремясь привлечь финансистов-всадников и откупщиков-публиканов, Гай провел через народное собрание закон, которым «отнял суды у сенаторов и отдал всадникам» (App. Bel. civ. I, 22). Второй закон предусматривал монополию экономической эксплуатации Азии римскими всадниками и откупщиками. С помощью этих законов Гай Гракх создал в Риме политическую и социальную организацию для обирания восточных провинций (в особенности — Азии). Трибун-автократ ловко использовал «восточную политику» в борьбе со своими политическими противниками.

***

В 90-х годах I столетия до нашей эры Римское государство, уже «давно больное внутренне» (Plut. Mar. 35), вступает в новую фазу социальных язв и бореия страстей. Крупные восстания рабов и движение Гракхов запутали панримский кризис еще более сложными многообразными узлами.

В 91 году вспыхнула т. наз. «союзническая война». Против римского порабощения восстало население Италии, т. е. пошатнулся тот основной военный базис, опираясь на который покорители мира становились его повелителями.

Риму пришлось мобилизовать все свои военные ресурсы, чтобы погасить эту угрожающую вспышку. У него было достаточно сил для подавления опасного движения; однако проявился совершенно новый могучий фактор, вынудивший римские власти пойти на попятный и впервые за время своего существования разделить с итальянцами жестко монополизированное право римского гражданства.

Такая принудительная сила надвигалась с Востока, превисив по своему значению и опасности внутреннюю, «итальянскую угрозу». Поэтому Рим был вынужден удовлетворить требование итальянцев, завершить «союзническую войну» и вновь направить военные ресурсы Италии на ликвидацию «восточной опасности».

Тот же «восточный вопрос» послужил импульсом для еще более крупной социально-политической борьбы, известной в истории римских гражданских войн как борьба «марианцев» и «сулланцев».

Этим новым «impulsor ex Oriente» было Понтийское государство, которое на протяжении целого полувека являлось ведущей проблемой во внешней и внутренней (даже внутренней!) жизни Рима.

Римлянам пришлось иметь дело с Понтийским государством в 80-х годах II века до нашей эры, во время т. наз. «Фарнаковой войны» (182—179 гг.). Борьба царя Понта Фарнака с Пергамом и его азиатскими союзниками была своеобразным прологом выступления на боевую арену прославленного Митридата Евпатора для свержения римского владычества на Востоке. Римские власти вмешались в «Фарнакову войну», и царь Понта был вынужден отказаться от борьбы за гегемонию в Малой Азии.

В дальнейшем царь Понта Митридат Евпатор (120—63 гг.), объединив под своей властью почти все страны черноморского бассейна, заключил союз с могущественным государем Армении, Тиграном Вторым, и приступил к покорению центральной и западной территории Малой Азии, что одновременно подразумевало вытеснение оттуда Рима. Так была заложена основа для т. наз. «Митридатовых войн» — смертельной схватки Рима с Понтом за господство над стыком Европы и Азии.

В 88 году началась «Первая Митридатова война». В течение одного года понтийцы изгнали римлян из Азии, Эгейского архипелага и большей части Греции.

Таким образом Рим терял восточную часть своей мировой державы, т. е. ту часть, после захвата которой он и стал называться мировой державой, чем и создал свою всеобъемлющую систему со специфически характерной социально-экономической и социально-политической жизнью.

Эта большая, дотоле невиданно грандиозная восточно-понтийская угроза, несомненно, должна была вызвать в Риме соответствующие крупные социальные и политические сдвиги. Так и произошло.

Новым этапом римских гражданских войн является борьба между марианцами и сулланцами. Новизна данной ступени социальной борьбы состоит в том, что впервые «вожди борются друг с другом при помощи больших армий, и (в этой борьбе) родина играла роль как бы приза (ζῆλον)» (App. Bel. civ. I, 55). Благодаря военной реформе Марии, заменившей римское гражданское войско профессиональной армией, настало время, начиная от которого армии приступают к замене «республики» «империей». Начинается борьба между «тиранами»-индивидуумами за овладение самым блестящим «призом» — высшей властью «родного Рима». Главными героями этого странного «призового состязания» стали Гай Марий и Люций Корнелий Сулла.

Первая кровавая страница истории борьбы за императорскую власть, страница, которую, скрестив мечи, развернули Марий и Сулла, была связана именно с обострившейся ситуацией на Востоке. Аппиан прямо пишет об этом:

«Начало и пародос (ἀρχὴ καὶ παρόδος) этого (борьбы между марианцами и сулланцами — Л. С.) вызвали следующие события...» (App. Bel. civ. I, 55), — подразумевая под этими «следующими событиями» выступление понтийцев на Востоке, специально рассмотренное им отдельно в своей «Mithridatica».

Следовательно, начало «Митрадатовых войн» есть в то же время начало («архэ», «пародос») нового этапа социально-политической борьбы в Риме. Ее причина, повод и начало Аппиан связывает с началом войны с Митридатом. Сама архитектоника его «Истории гражданских войн» (параграфы 55-102 первой книги) построена следующим образом:

1) война с Митридатом как причина начала гражданской войны времен Марии-Суллы (§ 55);

2) борьба между марианцами и сулланцами (§§55—94);

3) диктатура Суллы (§§ 95—101);

4) заключение о том, что такие тяжелые результаты для внутренней жизни Рима были вызваны войнами с Митридатом (§ 102).

Мы также исследуем данную проблему согласно приведенному причинно-следственному плану Аппиана.

Сначала окинем взором явление, началу и ходу которого внутри Рима был дан импульс извне — сложившейся на Востоке сложной политической ситуацией. В Риме встал важнейший вопрос: кто вернет «городу мира» так внезапно потерянный Восток? Кто будет главнокомандующим, который сумеет восстановить систему мирового владычества «вечного города»? Кто в силах включить в слоаса *παχίμα* римской экономики ныне отсеченные от нее постоянно полнокровные восточные артерии?

Многие политические деятели Рима желали возглавить осуществление этой сложнейшей и в то время весьма привлекательной миссии. Наиболее достойным среди них казался Гай Марий, который, веря в легкость и доходность новой восточной войны (App. Bel. civ. I, 55), был при этом убежден, что «его изберут главнокомандующим и он наполнит Рим новыми триумфами, а свой дом — понтийской добычей и царскими сокровищами» (Plut. Mar. 31).

Однако в борьбе за захват понтийских сокровищ и «восточной славы» у Гая Мария оказался крупный соперник — Люций Корнелий Сулла.

Борьба между Суллой и Марием была явным отражением борьбы двух сильных социальных кругов — аристократии (оптиматы) и демократии (популяры). Аристократы провели своего вождя: Сулла стал консулом и главнокомандующим в восточной войне. Но Марий не отказывается от «золотого восточного жезла». Он подговорил народного трибуна Публия Сульпиция Руфа, который провел закон о смещении Суллы и назначении вместо него Мария. Тогда Сулла вступил на дотоле неслыханный в римской политической жизни, совершенно беспрецедентный путь. Он воспользовался тем, что армия неудержимо стремилась к войне с Митридатом (*ἐπὶ τῷ Μιτρίδατῳ στρατεῖαν ἀρεχόμενον*) как к богатому источнику доходов (*ὡς ἐπιχερδοῦς*) и в то же время она была убеждена

в том, что Марий взял бы с собой на Восток другую армию (App. Bel. civ. I, 57).

И тут произошло явление, перспективы которого были намечены реформой Гая Мария: впервые в военной и политической истории Рима армия подняла голос как социальная сила, независимая от какого бы то ни было государства (в том числе и от собственного). Сулла увидел то, чего он так жаждал: шесть римских легионов сплошь состояли из его двойников, — его «ели глазами» 35.000 маленьких Сулл, одурманенных неутолимой жаждой грабить и обогащаться, которые даже ценою собственной жизни не уступили бы никому арены опустошения богатого Востока. Их воля — немедленно сокрушить все и вся, что только стоит на пути их восточного похода. И Сулла не мешкая двинул легионы на Рим.

Таким образом, римское войско «впервые вступило на родную землю как на землю врага»; отныне полководцы и их армии превратили Рим в поле боя, «на словах — против бунтовщиков, на деле же — против родины» (App. Bel. civ. I, 57)...

Следовательно, восточный вопрос развернул в истории Рима совершенно новые страницы, — это борьба за установление единоличной диктатуры, борьба между двумя тенденциями: отжившей рабовладельческо-республиканской властью и вызванной необходимостью монархо-императорской. Итак, на данном участке «панримского кризиса» первые двери были также открыты восточным вопросом; в дальнейшем же мы увидим, что восточный вопрос закрыл и последние двери борьбы за императорскую власть.

Итак, Сулла вступил в Рим «как враг помышлением и делом» (App. Bel. Civ. I, 58). Марианцы потерпели поражение, а спасшиеся от смерти — рассеялись. Сам Марий, объявленный Суллой врагом государства, бежал в Африку.

Сулла укрепил власть опоры олигархии — сената, дабы обеспечить себе безопасность тыла во время похода на Восток. Затем, считая положение в Риме стабильным в свою пользу, выступил в поход.

Он только-только вступил на Балканы, как в Риме вновь схватились друг с другом оптиматы и популяры. Вернулся Марий, который в условиях ужасного побоища захватил высшую государственную власть. Теперь уже он провозгласил Суллу врагом государства, отменил все его мероприятия, сместил с поста главнокомандующего и, поскольку сам к тому времени

умер, то заменить Суллу на Восток отправился с новой армией консул Валерий Флакк.

В это же время Сулла со своими легионами вторгся в Грецию. Римляне со зверской жестокостью расправлялись с населением. Сулла не щадил даже святынь, служивших предметом поклонения: по его приказу были вырублены аллеи знаменитой Академии и Ликея; затем он ограбил и разорил дотла храмы, наполненные драгоценными пожертвованиями, подносимыми на протяжении веков — Дельфийского Апполона, Эпидаврского Асклепия и Олимпийского Зевса. Конечно, с протестом греков никак не считались бы люди, которые «даже свое отечество превратили в предмет купли-продажи» (Plut. Sul. 12).

После ожесточенных боев римляне взяли Афины и Пирей. Озверевшие захватчики устроили страшное избиение и грабеж, после чего сожгли и разрушили Афины. Большинство населения было перебито, остальные проданы в рабство. Ненавидящий демократию римский патриций упразднил демократическое законодательство афинян, «которых осталось совсем мало» (App. Mithr. 38).

Одержав победу при Херонее и Орхомене, Сулла изгнал из Греции понтийцев. Тем временем из Рима прибыла новая армия под водительством Флакка. Она перебралась в Азию и после гибели Флакка, под командованием Фимбрии, начала воевать с Митридатом. «Фимбрианцы» так же безжалостно грабили азиатские города и села. Фимбрия взял город Илион и «сразу же по вступлении в него перебил всех, кто ему попался, и все предал огню... Он не пощадил ни молелен, ни тех, кто укрылся в храме Афины и сжег их вместе с храмом. Он разрушил стены города и на другой день сам обошел его, чтобы убедиться, что от него ничего не осталось... Не остался не разрушенным ни один алтарь, ни одна молельня, ни одно изваяние...» (App. Mithr. 53).

Успехи Фимбрии усилили стремление к миру как со стороны Митридата, так и со стороны Суллы. Они встретились в Дардане и заключили мир на следующих условиях:

Территориально устанавливается status quo: Митридат должен был уступить захваченные им в этой войне области Малой Азии и Балкан; он должен был передать Сулле 70 кораблей с 500 лучниками; уплатить Сулле 2.000 талантов; царь Понта должен был вернуть Риму политических эмигрантов, пленников и беглых рабов; римляне обязывались не трогать городов, быв-

ших в этой войне на стороне Митридата; Сулла признавал за Митридатом права на все остальные владения и объявлял его «союзником и другом римского народа».

После заключения мира Сулла еще некоторое время оставался в Азии. Он присоединил к себе армию Фимбрии, а затем, не довольствовавшись той разрухой и разорением, какие перенесли в этих войнах жители Азии, в порядке экзекуции определил воинов на постой в каждую семью, где они вели себя чрезвычайно нагло и самовольно. Каждая семья была обязана ежедневно уплачивать стоящим у нее римским рядовым воинам по четыре тетрадрахмы, причем бесплатно кормить их, если же воин пожелает, то оказывать почет и его друзьям. Центурионам жители должны были ежедневно уплачивать по 15 драхм, а также давать им по две смены одежд — домашнюю и выходную (Plut. SuI. 25).

Несмотря на условия мира, Сулла «сурово покарал» города понтийской ориентации, а «из них особенно жителей Эфеса» (App. Mithr. 61).

Самым тяжелым игом легла на население Азии контрибуция, наложенная на него Суллой. Он потребовал немедленно уплатить причитающееся за целых пять лет; таким путем Сулла заполучил 20.000 талантов (см. Plut. SuI. 25; App. Mithr. 63).

Сулла оставил в Азии Люция Мурену с двумя легионами, а сам как «dictator orientalis» отправился в Италию.

Несмотря на то, что Сулле не удалось полностью разгромить царя Понта, его успехов на Востоке оказалось вполне достаточно для того, чтобы в Риме с ним считались как с очень большой силой. Именно победа в наиболее трудном, восточном походе дала Сулле ту силу, перед которой враги дрожали от страха, а друзья трепетали от восторга. Этой, такой внушительной силой, последовавшей с Востока за «смещенным и приговоренным к смерти человеком», была грозная армия и бесчисленное количество награбленного, взятого в добычу и дань золота и серебра, а также пленных. Его армия насчитывала 40.000 воинов, а флот — 1.600 кораблей. Сулла, когда-то по уши задолжавшийся, обладал теперь, кроме упомянутой несметной добычи, чистыми 22.000 талантов!

Сулла дал последнее крупное сражение: после страшного кровопролития взял Рим и взшел на трон несменяемого диктатора. Это ему удалось благодаря опоре на зах-

ваченные и организованные им на Востоке военные и экономические ресурсы.

Для сената и нобилитета вообще, в условиях необходимости упразднения олигархической республики, диктатура Суллы была лучшим вариантом. нежели, скажем, «тирания» Гракхов, призывавшая демократические силы к свободе. Для олигархии оптиматов *dictatura perpetua* Суллы была меньшим злом, чем *Gracchana seditio*. Поэтому под тяжестью монархической власти Суллы больше всех страдали народные массы. Началась страшная расправа с политическими противниками Суллы. Жертвами «проскрипций» пали тысячи римлян и итальянцев. Казна диктатора и его сподвижников наполнялась имуществом проскрибированных. «Корнелии» Суллы — это «остервенелые пешки» — с утонченной жестокостью выполняли кровавые дела диктатора.

Особенно пострадали низшие слои. Сулла отменил раздачу бесплатного хлеба, превратил в фикцию права народных трибунов. Его реформы были абсолютным отрицанием гракханского демократического боевого девиза: «Вся власть — народному собранию».

Таким образом, диктатура Суллы вошла во всей полноте. Утвердилась фактическая монархия, единоличная военная империя, а республика... остаться-то она осталась, но единственно «для красного словца».

Под конец Аппиан заключает так:

«Такие тяжелые последствия возымела для Рима и всей Италии эта война» (App. *Bel. Liv. I, 102*), т. е. Митридатова война.

Итак, эти слова являются своеобразным эпилоговым итогом сказанного в начале «пролога»: «Начало и пародос этого (борьбы между марианцами и сулланцами — Л. С.) вызвали следующие события...» и т. д.

Следовательно, как мы видели, Аппиан представляет в неразрывном единстве: начало войны с Митридатом, начало борьбы между Марием и Суллой, восточный поход Суллы и его диктатуру.

Суммируя, мы подчеркиваем, что перечисленные здесь явления находятся в вытекающей друг из друга прочной органической связи. В ходе одного крупного исторического события они пред-

ставляют собой неотделимые звенья. Это крупное явление — борьба за создание единоличной военной диктатуры в Риме; в процессе же его развития ведущую роль играет опять-таки «восточный вопрос». Во-первых, уже начало борьбы за диктатуру было связано с Востоком, а затем, именно благодаря одержанных на Востоке побед и накопленных там военных ресурсов, Сулла смог захватить единоличную власть. Следовательно, и восточный поход Суллы следует рассматривать как политическую перспективу, обдуманную и рассчитанную умным политиком: только тому удастся взять в руки высшую власть в Риме, кто вернет на орбиту Римской империи Восток, отторгнутый понтийским мечом. Таким образом, Восток играл тогда роль необходимого плацдарма для претендентов на высшую власть в Риме, и поскольку этот «восточный плацдарм» захватил Люций Корнелий Сулла, то ему же достался и кровавый венец первого признанного императора.

***

В 83 году пропретор провинции Азии Люций Мурена возобновил войну против Понта («Вторая Митридатова война»). Римляне ворвались в пределы Понта и «разорили 400 сел». Мурена «вернулся во Фригию и Галатию с огромной добычей» (App. *Mithr. 64*).

Митридат пытался восстановить мир путем переговоров с римскими властями, но ничего не добился. Тогда и царь Понта выставил свои войска и на берегу реки Галиса наголову разбил римлян.

Решающая борьба между Римом и Понтом возобновилась в 74 году. В этой войне («Третья Митридатова война», 74—63) должен был окончательно разрешиться вопрос владычества над западной Азией.

Вначале понтийцы разгромили на суше и на море у Халкедона военные силы консула Аврелия Котты, но у города Кизика Митридат потерпел поражение от другого консула, Люция Лициния Лукулла. Последний вернул Риму весь запад Малой Азии и в 73 году вторгся в пределы Понта. Здесь захватчики награбили огромное количество добычи. У Лукулла «в лагере было такое изобилие припасов, что быка продавали за одну драхму, а раба — за четыре драхмы. Добычу, которую некуда было давать, некоторые бросали, а некоторые уничтожали. Ее

некому было продавать, так как у всех было много» (Plut. Luc. 14).

Тщетно пытался Митридат составить коалицию против Рима. Ему не удалось примирить между собой ярых врагов — армянского и парфянского царей. Митридату изменил даже родной сын, правитель Боспора Махарэ, который Лукуллу прислал золотой венец и изъявил ему свою покорность.

После нескольких мелких столкновений, в 72 году у города Кабейры понтийская армия была разбита из-за непредусмотрительности полководцев Митридата. Римляне завладели огромными богатствами; Митридат скрылся в Армению.

Лукулл принялся за города Понта. После яростных штурмов, понеся большие потери, он взял Евпаторию и Амис. Сперва римляне разграбили и разрушили дотла Евпаторию, а затем особенно «показали себя» в Амисе: озверелые захватчики не щадили никого, безжалостно убивая всех и расхищая все; гибель горящего города ускорялась тем, что, врываясь в дома в поисках ценных вещей, римляне вносили пылающие факелы, а потом бросали их там же не гася, и таким образом к пожару прибавлялись все новые и новые костры. Город почти полностью обратился в пепел... (см Plut. Luc. 19; App. Mithr. 83; Memn. 45; Eutr. VI, 8).

Такая же судьба выпала на долю Гераклеи и Синопы.

Историю разорения римлянами Гераклеи передает ее житель Мемнон следующими словами: «Одни из горожан сдавались, другие гибли. Сокровища и имущества разграблялись. Их постигла зверская жестокость... Римляне не щадили и тех, кто бежал в храмы, но убивали их и у жертвенников, и у статуй». (Memn. 51). Сам консул Аврелий Котта «распоряжался с чрезвычайной жестокостью. Ища деньги, он не страшился касаться и находящегося в священных храмах... Он взял из агоры статую Геракла, а из пирамиды — его оружие, которое по богатству, величию, устройству, изяществу и утонченности искусства не уступало ничему достохвальному. Здесь был посох из червонного золота; на него была надета большая львиная шкура и вместилище для стрел из того же материала (золота) со стрелами и луком. Многие другие удивительные пожертвования были вывезены из храмов и из города и внесены на корабли. Наконец он велел солдатам поджечь город...» (Memn. 52).

Жертвами варварского разрушения стали также Синопа, Амастрий, Амасея и др.

Лукулл поставил гарнизоны в покоренных городах Понта и двинулся на Армению.

Перебравшись в Азию, Лукулл постарался как-нибудь смягчить ненависть местного населения к римлянам. С этой целью он перед походом на Армению стал ограничивать права римских финансистов. Римские публиканы донельзя повысили дань, наложенную Суллой на население Азии (20.000 талантов); в провинции Азии одна лишь лихва достигла 120.000 талантов (Plut. Luc. 20). Народ испытывал всяческие репрессии и притеснения, не будучи в состоянии покрыть такую громадную сумму. И вот, Лукулл полностью отменил лихву; освобождая секвестированное имущество и вернул его владельцам; установил дань в размере четверти с земельного участка; перепродавец должен был отныне пользоваться лишь четвертью прибыли и т. д. (см. Plut. ibid).

Эти мероприятия Лукулла вызвали в Риме ярость всаднического сословия, богатых финансистов и плутократов. Они начали борьбу против полководца-оптимата, который своей «политикой выскочки» нанес ущерб «лучшим» гражданам Рима. Они специально нанимали ораторов-«демагогов», которые в любой удобный момент нападали на восточную политику Лукулла с острыми инвективами.

Однако Лукулл не обращал на это внимания, веря, что его социальная опорная база — оптиматы, аристократия, сенат — справятся с нападками всаднического сословия и популяров вообще. Поэтому он преспокойно начинает войну с Арменией (69 г.).

Совершенно неожиданно напав на Армению, Лукуллу удалось добиться первых успехов (взять Тигранокерт и выиграть первое сражение). Но Тигран и Митридат, применив новую военную тактику затягивания войны, сумели парализовать «молниеносные» продвижения римлян.

А в Риме усиливались выступления всаднического сословия. Окрепшая плутократия вытягивает из рук ослабевшей аристократии бразды экономического и политического правления Рима и грозит уничтожением «твердому оптимату» Лукуллу, причинившему ей в Азии крупный экономический ущерб. На сей раз сенат оказался бессильным перед натиском популяров; а только что пришедшая к власти социальная сила не могла терпеть того, чтобы весьма ответственные управленческие посты Востока занимал ставленник ее политического противника — оптиматской олигархии. У противного Лукуллу лагеря

имелась для борьбы с ним прочно обоснованная аргументация: шел уже седьмой год, как Лукулл был бессменным полководцем в восточных войнах, а эта «семилетняя тирания» оказалась совершенно бесплодной в деле покорения стран Востока.

Создавшаяся в Риме острая социальная ситуация оказала влияние на армию Лукулла, и без того павшую духом от безрезультатных восточных войн. Воины Лукулла изъявляли непослушание, отказывались идти в бой и требовали возвращения назад.

И вот, Лукулл, одержавший за семь лет на Востоке (74—67) немало побед, здесь, в нескольких днях пути от «восточного Карфагена» (Артаксаты), на этой очень немилостивой к врагам земле, был вынужден признать себя побежденным и повернуть обратно.

Тигран и Митридат немедленно перешли в контрнаступление. Первый двинулся в юго-западном направлении на восстановление границ Армении, а второй появился в Понте и, разгромив стоявшие там римские гарнизоны, полностью освободил свое государство.

***

То было время, когда пираты, господствуя на Средиземном море, изолировали Рим от восточного мира и даже поставили Италию под угрозу голода. Народный трибун Авл Габиний представил комициям законопроект, в силу которого народ должен был избрать для борьбы с пиратами диктатора на трехлетний срок. В его распоряжении должна была находиться большая армия, флот из 200 кораблей, 15 легатов, 6.000 талантов; он должен был иметь право собирать войска и деньги во всех провинциях, расположенных в 400-х стадиях от морского побережья.

Таков был *lex Gabinia de bello piratico*, или *de iure imperatore contra praedones constituendo*.

Кандидатом на пост диктатора, облеченного такими необычными, во всех отношениях беспрецедентными правами, был выдвинут Гней Помпей, который не ограничился официально предоставленной ему «тиранией»: он собрал 120.000 пехотинцев, 4.000 конных, 270 кораблей (вместо 200) и 25 легатов (вместо 15).

Покамест легаты Помпея громили гнезда рассеянных по морям пиратов, из Азии одно за другим приходили вести о побе-

дах понтийцев и армян и о поражениях римлян. Возникла угроза того, что цари вот-вот подступят к Средиземному морю и протянут руку воюющим с Римом пиратам.

«Горячка восточного вопроса» вошла в новую фазу. В этом отношении чрезвычайно интересна *Pro lege Manilia (De imperio Gnei Pompei)* Цицерона:

1. Азия имеет неизменно большое значение для экономической мощи Рима. Она является основным жизненным источником римской государственной казны. В налоговой системе римляне видят жизненные артерии государственной казны, и густая сеть этих артерий идет именно из Азии. Доходы от других провинций настолько незначительны по сравнению с нею, что едва покрывают расходы по управлению ими же. Наоборот, Азия — страна весьма богатая и обильная — оставляет далеко позади себя другие земли по плодородию полей, разнообразию плодов и овощей, обширности пастбищ и изобилию пригодных для экспорта продуктов. Курс римских денег, римские денежные операции, производимые на форуме Рима, находятся в тесной органической связи с денежным обращением Азии. Прекращение последнего не может не втянуть первые в гибельный водоворот;

2. В Азии пропадают капиталы, обильно вложенные финансистами-всадниками. Кормчими римской эксплуатации в Азии являются всадники. Именно представители этого сословия — первейшие казначеи римской государственной казны (главный источник которой — Азия). Поэтому если их финансовые операции в Азии потерпят крах, то обанкротится и вся экономика Римского государства;

3. Особое внимание следует обратить и на то, что, кроме всадников, и другие (*ex ceteris*) граждане завязали отношения с Азией, вложив там довольно крупные денежные суммы. Сейчас стоит под угрозой и экономическое благосостояние этих граждан, что создает опасную ситуацию для страны вообще;

4. Не терпит невнимательности и то, что вопрос заключается не только в спасении провинции Азии, но и очень может быть, что сама эта провинция станет очагом борьбы против нас. Из предыдущих войн с Митридатом мы помним, как азиаты вставали под знамя отчаянной борьбы с Римом. Очень трудно описать ненависть азиатов к

римлянам. Основа этой ненависти — римская эксплуатация в странах Востока. В азиатских провинциях не осталось ни одного города, ни одного храма и даже ни одного дома, не разграбленного римлянами. Они не довольствовались даже стольким награбленным и старались под каким-либо поводом начать войну для опустошения новых городов. Поэтому «азиатская ненависть» не гарантирует того, что в ближайшее время Азия не станет добровольно во вражеский лагерь;

5. Не менее тяжело для римлян то позорное пятно, которое легло на них в так долго проводимых войнах с царями. Честь и слава римлян, мощь их победоносного оружия смешиваются с грязью из-за частых поражений в битвах с азиатами.

Так представляет римский оратор и политик экономическое, политическое и моральное значение современной ему Азии для Римского государства, так он изображает безвыходное критическое положение римлян на тогдашнем Востоке. Сколько тяжелых боев провели римляне в борьбе с Азией, а результата все-таки не было видно! Каждый раз все приходилось начинать сначала.

Таким образом, на сей раз стало еще яснее, что примитивная аристократически-рабовладельческая республика, построенная по образцу римского полиса, не может справиться с покорением и закреплением за собой Востока. Чем дальше продвигались границы римской экспансии, тем немогшее становилась «республиканская» власть. Наиболее слабыми местами ее внешней политики были вопросы управления и прикрепления дальних провинций. Владычество римской «республики» в Испании, где горел вечный огонь мятежа, было слабее, чем в Африке или же в самой Италии. Факты свидетельствуют о том, что сенат казался абсолютно бессильным в деле покорения Востока. Сейчас стало еще яснее, что для захвата Востока нужны экстренно созданные условия. Возникла необходимость назначить облеченный экстраординарными правами магистрат, империи которого не уместился в тисках конституции Римской республики. Поскольку семилетняя «вынужденная тирания» Лукулла оказалась бесплодной в этом отношении, то в Риме все уверились в нежелательной для «республиканцев» и желательной для «антиреспубликанцев» необходимости: нару-

шить римскую конституцию и поручить упорядочение «восточных дел» магистрату, официально (!) облеченному долгосрочным высшим империем.

Воспользовавшись такой «неизбежной необходимостью», «антиреспубликанцы» нанесли новый сокрушительный удар по «республиканской конституции». Народный трибун Гай Манилий внес законопроект, в силу которого восточные дела должны быть переданы магистрату (Помпею), который с неограниченными правами распоряжался на суше и на море; в качестве новых прав ему предоставлялось самостоятельно вести войну и заключать мир; не спрашивая сената, признавать друзьями и союзниками Рима или его врагами тех, кого он сам пожелает; использовать по своей воле все армии и любые боевые ресурсы, какие только есть в необъятных владениях Рима.

Таков был закон Манилия *de imperio Gnei Pompei* или *lex Manilia de bello Mithridatico Gni. Pompeio contra ordinem (sic!) mandando*.

История Рима дотолде не знала случая облечения одного человека такими правами. Один человек (Помпей) выступал в качестве самостоятельного и полноправного распорядителя Римского государства на неопределенный срок. Только сам Рим и центральная часть Италии оставались ареной действия римской конституции, так что в центре огромного империя и империи Помпея Римская республика виднелась всего лишь мелкой точкой, да и та должна была вскоре скрыться в бескрайнем просторе империи. Отныне Римским государством непрерывно управляют магистраты *contra ordinem*: принцепсы, диктаторы, императоры. Правда республиканская традиция еще не дает им простора для того, чтобы без колебаний объявить республику павшей, однако в условиях неограниченности их верховной власти республика только существует, но не управляет; фактическими правителями являются магистраты, облеченные «экстраординарными» полномочиями.

Особого внимания заслуживает тот факт, что закон Манилия, ставший основой как фактического, так и юридического признания падения римской рабовладельческой республики и установления единоличной императорской власти, явился результатом постоянно осложнен-

ного положения в Азии. Если Рим хотел покорить Азию, он должен был отказаться от олигархической политики и вместо нее, путем империумов и диктатур, мобилизовать все силы на войну с Востоком. Отныне для упорядочения серьезных дел на Востоке не появлялся ни один консул, претор или какой-либо иной магистрат, уполномоченный «республиканской» конституцией; на восточном горизонте появлялись только лишь диктаторы и императоры со своими огромными армиями. После этого Восток штурмовала только «империя»...

В 66 году Помпей принял от Лукулла верховное командование на Востоке и начал наступать на Митридата. В распоряжении Помпея были общим счетом 100.000-ная армия и огромный флот. Кроме того, как уже было сказано, он имел право перебрасывать на восточные фронты военные силы из всех провинций Рима. До тех пор ни один римский полководец не выступал в поход на Восток с такими колоссальными силами.

Помпей расположил свой флот от Боспора до Финикии и двинулся с сухопутной армией в глубь Азии. При этом он заключил договор с парфянским царем: обещал ему южные владения Армении, выговорив за это условие, что парфяне нападут на Армению.¹ Успех нового похода римлян предвещало также расхождение между Митридатом и Тиграчом.

Огромная армия Помпея разгромила малочисленные силы оставшегося одним Митридата. Разбитый царь бежал в Колхиду а затем в Боспор, где пал жертвой восстания, во главе которого стоял его сын Фарнак (63 г.).

Покорив Понт, римляне ворвались в Армению (66 г.). Тигран признал себя вассалом Рима и благодаря такой тактике спас страну от неминуемого разрушения и превращения в «провинцию».

В следующем (65) году Помпей отправился в поход на Иберию-Колхиду и Албанию.

¹ Изучение парфяно-римских взаимоотношений выходит за пределы исследуемого нами отрезка; касаясь же отдельных интересующих нас случаев, мы пользуемся: Я. А. Мананджян, Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943; И. Д. Голышко, Римско-парфянские политические взаимоотношения в I веке до нашей эры. Диссертация, рукопись, Одесса, 1951; в особенности же — фундаментальное исследование — А. Г. Бокшанин, Парфия и Рим, ч. I, М., 1960.

Завоевав Закавказье и забрав большое количество имущества (так, из Армении — 6.000 талантов, из Иберии — золотой трон, золотое ложе и золотой стол и др.), римляне вернулись в Понт.

Помпей стал обладателем сокровищ, хранившихся в городе и крепостях Понтийского царства. Например, в одной крепости римляне «нашли 2.000 так называемых ониксовых чаш, украшенных золотом, множество бокалов и крупных сосудов и рогов, расшитые кушетки и кресла, конские уздечки, нагрудники и седла, — все это было украшено драгоценными камнями и золотом. Было столько, что для подсчета и сдачи потребовались тридцать дней...» (App. Mithr. 115). Благодаря богатой добыче каждый солдат Помпея получил по 1.500 атических драхм и соответственно гораздо больше получили начальники воинских частей; всего полководец раздал своим соратникам 16.000 талантов (App. *ibid.* 116).

Затем римляне покорили Сирию, Финикию и Палестину. Египтяне преподнесли Помпею драгоценный венец стоимостью в 4.000 золотых монет, а Аристокл Иудейский — выполненный с удивительным искусством «золотой виноградник» стоимостью в 500 талантов (Flav. Jos. Ant. Jud. XIV, 3, 1). Легаты Помпея Габиний и Скавр, под видом взятки отняли у иудеев деньги: первый — 300 талантов, а второй — 400 талантов (Flav. Jos. *ibid.* XIV, 3, 2).

В начале 62 года Помпей вновь прошел походом по Сирии и Палестине, ограбив их. С особой, «римской тщательностью» он разграбил и разрушил Амаею. Римский захватчик не довольствовался подаренным египтянами драгоценным венцом и, решив приобрести новые богатства, начал опустошать их владения. На сей раз Птолемей поднес Помпею 10.000 талантов и этим спас страну от полного разорения.

Наконец Помпей взял, разграбил и разрушил Иерусалим. Римляне обложили Иудею тяжелой данью.

В 61 году император вернулся в Рим, который своим чрезвычайным империумом покорил «все страны и все пределы, озоряемые солнцем» (Cic. in Catilinam oratio IV, X, 21). Необычайно велик был в Риме всеобщий восторг, вызванный отдыхом от вечно «беспокойных восточных дел». Необыкновенный прием и триумф ждали императора, который, будучи облечен поистине необыкновенным империумом, сумел покорить гордый и грозный Восток: «Ведь никогда и никто прежде не поражал такого сильного врага, не покорял столько и таких великих на-

родов и никто не распространял власти римлян до пределов Евфрата» (App. Mithg. 116). На триумфе Помпея, кроме многочисленных «дорогостоящих» пленников, провели «множество колесниц и паланкинов, сплошь украшенных золотом, и других вещей, разноцветно убранных..., трон самого Митридата Евпатора..., его жезл и отлитую из золота статую вышиной в восемь локтей; серебряные чеканные деньги в количестве 75.100.000 драхм..., бесчисленные повозки, груженные оружием и карабельными носами...» (App. Mithg. 116).

Триумф Помпея представлялся в Риме не только как блестящее завершение «восточной эпопеи» в его пользу, но и как еще одно, более веское подтверждение «разумности империи» и того, что олигархически-рабовладельческая «республика» отжила свой век. Итак, новая «имперская сила» пришла в Рим, опираясь, опять-таки, на «восточный базис».

«Республика» еще раз попыталась противостоять «империи»: сенат отказался утвердить восточные мероприятия Помпея и раздать земли его «безродным» ветеранам. Тогда против сената объединились Помпей, Цезарь и Красс («первый триумvirат»). Таким образом, эта необычная «триархия» предшествовала признанию «монархии» в Риме навсегда...

Итак, с 200-го по 60 год в Риме не поднималась никакая-либо важная проблема, с которой не был бы связан под каким-то углом и в которую не внес бы какие-то изменения «восточный вопрос». Во всех пунктах кровавой эпопеи взаимоотношений с Востоком Риму удавалось одержать верх путем ломки олигархо-республиканской конституции и создания чрезвычайной, императорской власти. В конце концов «республика», из-за неизбежной необходимости покорить Восток, была вынуждена окончательно уступить «империи». Финальными пунктами этих «неизбежных уступок» стали: вначале — «империум Помпея», а затем — «первый триумvirат».

Таким образом, в Риме под давлением «восточного вопроса» «экстраординарное» стало, в конце концов, «ординарным». С этого времени римская «республика» фактически больше не воскресала. Она осталась только *εἰς εὐπρέπειαν τοῦ ῥήματος* или как *homo sine labore* — вплоть до т. наз. доминанта...

***

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих трудах автора:

1. Понтийское царство при Митридате VI (120—90 гг.), Труды Кутаисского гос. пединститута, т. XII, Кутаиси, 1954, стр. 211—235.
2. О роли Понтийского царства в формировании императорской власти в Риме, Труды Кутаисского гос. пединститута, т. XIV, 1955, стр. 215—226.
3. Понтийское царство, монография, Тбилиси, 1956, 14 печ. л. (Рецензию этой книги на русском языке см. в «Вестнике древней истории», 1958, № 1, стр. 172—173).
4. История античных стран, Тбилиси, 1963, 14 печ. л.
5. Восточный элемент в истории классовой борьбы в Римской республике, (тезисы), Материалы XXVIII Научной сессии Кутаисского гос. пединститута, Кутаиси, 1964.
6. Восстание Андриска и начало римского провинциального управления на Востоке (тезисы научной конференции-историков Грузии в г. Батуми, 1965 г.).
7. Восточная политика Рима в 90-х гг. до н. э. и ее результаты, 7 печ. л. (находится в печати).